

Елена Ананьева
Крик Эдварда Мунка,
или Поцелуй сфинкса
Часть первая. Крик на мосту

Эскизы предисловия

Валерия Вершинина, главная героиня серии романов «Бегство», не будучи в Германии востребованной по профессии, искала дело по душе. Да, еще такое, чтобы не прерывало опыта работы. Переехав через границу, а трудилась она до отъезда не только как галерейщица, организовывая выставки художников и поэтические вернисажи, но и была страстным исследователем. Если обобщить род ее деятельности, она добивалась скрупулезности в изначальном понимании и препарировании искусства. А потом еще и арт-терапии. Своего рода гомеопат. Как специалист — работая раньше напрямую с музеями, в том числе столичными, с лабораториями, подтверждением результатов, свидетельствами идентификаций, также и с правоохранительными органами, давала вместе с коллегами и приглашенными учеными, заключения по артефактам. Это — ее

остров Сокровищ. Неразменный запас знаний. Они постепенно стали рваться наружу. Сами по себе. Будто в ее матрице образовалась труба выхода в пространство высших сфер. Многое виделось иначе. Многие процессы прошлого открывались неведомыми ранее сторонами. Так в поле ее пристрастий попал беспокойный, неистовый художник — экспрессионист, которого еще нарекали Ювелиром безумия — Эдвард Мунк. Вполне для безумного времени и сдвижения всех матриц мира подходящий момент исследования истины.

...Почему-то в Германии, чтобы признали диплом, да, и огромный опыт работы, нужно упорное подтверждение его в практически повторном обучении. Институт называют смешно: «Атабеники». Ели вареники... Да, немало каши нужно съесть, чтобы всё сдать, начиная с «А и Б»...

Изначально в решении языковых барьеров. А возрастной ценз не стоит на месте. Многие сразу остаются за бортом интеллектуальной деятельности. Это одна из нерешимых проблем интеграции. Это было и есть до сих пор... Это — на совести политиков, принимающих решения. И эмигрантов. Но все так... Кто успешнее, кто-то сразу решает ничего не делать. Так и катится, и ему еще все обязаны помогать.

В трудный момент жизни Лера взялась за написание крупного романа, предварительно изучая творчество любимого экспрессиониста — Эдварда Мунка. В его жизненном пути оказалось столько загадок, открывались сфинксы проблем и героини-«сфинксы» на пути. Даже проблемы показались похожими в чем-то на ее. И душевный разлад, неуспокоенность, поиски...

Вгрызаясь в свидетельства прошлого и совершённого недавно, не оставалось места и времени для Монстров хандры, боли и страха.

* * *

Как-то встретила она с коллегой, Осиком Брудером, в городе на Майне.

— Лерушка, рад видеть! Ты как здесь? Ты наша Весна...

Боттичеллиевская... — кинулся в объятия.

Проходящий мимо Вячеслав Добрынин оглянулся и подмигнул ей... «Не сыпь мне соль на раны» — запомнилась песня. Может могла бы еще жизнь свою устроить, если бы направила на то усилия, уходящие в пространство.

— Ну, уж скажешь...

— Помнится, был влюблен в тебя. А ты мне все отказывала. Я в тебе видел самые светлые и прелекательные образы. Но и боялся тоже...

— Эта боязнь мужчин известна... А ты откуда, милый?

— Из Джерузалима... Здесь на пару дней.

— Так сходим в наш Штедель. Как раз выставка картин Мунка, не путать с детективом Монком, — посмеялись. Дотошного детектива все знают. Ей никогда не хотелось быть такой канцелярской крысой. А ведь приходилось.

— Вестимо. Эджвард...

Он переделывал, как обычно, слова на свой лад.

Такой себе былой Казанова-завлекатель с чубчиком, закручивающимся на лбу страстным, испанским локоном. А на лице отражения трудов праведных и соблазнов — побед и успехов у женского пола. Кажется, чем серьезнее работа, тем более накатывают желания проявить свои казановские способности...

Они шли через Ромер плац, где блистает золотом и флагами «в гости к нам» мэрия, живые скульптуры, густо осыпанные бронзой, серебрином, золотином, с коробочками перед перформансом, заняли места на постаментах.

— Жду тебя! — заламывает руки скульптура, моментами оживая.

Рядом бежит с дипломатом в руках иная фигура, и замирая в неожиданных позах, намекает всем официальным видом на раскрытую,

плетенную шкатулку...

А рядом поют, играют не просто на скрипках, но уже с усилением, а то и на новых металлических сферах, внушительных размеров, извлекая космические звуки, завывания, скрипы, всхлипы мусульманско-арабского направления... Как везде в мире, где мир, жизнь бурлит всеми красками и звуками.

Делегация японцев, они тоже везде. Резво фотографируют... Почти также в других странах.

Разве не похожи замершие и движущиеся фигуры в разных странах приметой времени?!

Так и чувственная, психологическая сторона личности остается почти неизменной столетиями назад. Меняются детали, интерьеры, манеры, мода, пристрастия, направления стилей и жанров.

Окунемся вместе с героиней в экспрессионизм Эдварда Мунка, его изыски, иступленные всплески, отображения на холстах и дневниках, отчаяние, перипетии кражи и поиска знаменитых картин — «Крик» и «Мадонна».

О картине «Пепел»

«Она словно бы представляет „Метафизику сексуальной любви“ Шопенгауэра, где мужчина и женщина — это элементы, приходящие в контакт, но никогда не соединяющиеся.

Женщина — загадка для мужчины, сфинкс, который ему приходится все время разгадывать».

*Пол Ходин, немецкий исследователь
творчества Эдварда Мунка.*

Мужчина — загадка для женщины также.

О картине «Крик»

«Странное, бесполое существо на переднем плане могло быть навеяно видом перуанской мумии, которую Мунк, возможно, видел на всемирной выставке в Париже в 1889 году. Мумия, скрюченная в позе эмбриона, с открытым ртом и прижатыми к щекам руками, также поразила воображение Поля Гогена...»

Роберт Розенблюм, искусствовед.

* * *

Впервые картина «**Крик**» (тогда ещё под названием «**Отчаяние**») был представлен публике на берлинской выставке в декабре 1893 года. Он завершал собой небольшую серию картин под названием «**Любовь**» («*Die Liebe*») — после нее пришли экспрессии «**Фриза жизни**»: «**Голос**»,

«Поцелуй» и «Ревность», «задокументировавшие» рождение, расцвет и гибель любви, последующее отчаяние, запечатленное в разных формах — рассказала выставка в знаменитом Франкфуртском музее «Штедель». Эти основополагающие сведения важно обозначить сразу.

В них уже загадка: почему картину «Крик» крали из музея и не один раз? Кто украл на сей раз? Каковы мотивы? Кто разгадает эту загадку? Посмотрим несколько шире.

Стало известно: на картину «Крик» готовится новое покушение.

Глядя на ленту истории, вьющуюся в прошедшем пространстве, видно, что настоящие проблемы лежат и в позапрошлом веке, не говоря о ранних. Также проблемы беженцев, когда люди, известно, и раньше кочевали в поисках лучшей жизни, климата, общества.

Известное напутствие: «Упаси тебя от тюрьмы и сумы!» Кажется, чем дальше, тем больше этих животрепещущих проблем в мире. И на виду всех, благодаря интернету. В Норвегии, как во всей старушке-Европе, особенно остры и по-прежнему волнуют проблемы беженцев, интеграции, кровопролитий между кланами, коррупции, нарушений прав человека.

Один норвежец Андерс Брейвик, сменивший имя на Фьотольф Хансен, чего стоит?! Осужденный в 2011 году на 21 год за двойной теракт, жертвами которого стали 77 человек, отбывает наказание. В чем повинны подростки молодежного лагеря на острове Утейя? Или пострадавшие в правительственном квартале Осло?!

Представляю, как переживал бы такие события впечатлительный Эдвард Мунк. сколько экспрессии оставил бы на живописных плоскостях.

Глава 1

Год 1884. Норвегия. Кристиания

Необычайное буйство красок в ночном небе за Полярным Кругом дает художникам простор для творчества. Из года в год происходит солнечно-ветренная феерия. Северное сияние, иногда называемое полярным, возникает из-за столкновения потока заряженных частиц, «солнечного ветра» с магнитным полем Земли. В результате этого на фоне звезд появляется свечение зеленого и розового цветов. Оно дает уникальную возможность запечатлеть северное сияние, находясь даже на более южных широтах. Вот лишь малая часть чудес, которые украшают, как инсталляции

огромных, колышущихся, цветowych пластин, небо над Норвегией.

Молодой художник Эдвард Мунк в постоянном поиске...Славянского склада лица. Русые волосы. Длинноватый тонкий нос с чувственными ноздрями. Удлиненный овал лица, по-детски припухлые губы и выдающиеся, рвущиеся за пределы овала уши, чутко улавливающие тончайшие полутона и шорохи не только в тишине мастерской.

Утонченный и заметно очень эмоциональный, музыкальный и непредсказуемый. Ему — 21 год! Упоительный этап зрелости. Он — трудоголик. Чутко всматривается в окружающий мир и свою натуру. Всё вдохновляет: фьорды, тяжелая, как амальгама, поверхность воды. Его отражения в разных позах и состояниях. Он — часть огромного, бурного мира. И он, втекая в него, перетекает потом в красках на полотна. Но...ох, нет, как не удачно... нужно иначе... Нужно переписать... Все, что появляется на полотнах не удовлетворяет. Отбрасывает, вышвыривает картоны, режет с остервенением чуткую бумагу. Его душа, столь ранимая, что признали уже знаменитым меланхоликом, увлечена. Живопись, акварели, графика, особые ракурсы в изображении окружающей действительности, в переработке его тонкого внутреннего мира, дают нечто новое, столь

же эфирное. Был ли он меланхоликом на самом деле, как считается? Только ли мрачные, мистические полотна оставил? О чем вещают его символы? Без них и записок в дневниках, сопровождающих по жизни, это не Мунк. Он оставил еще немало свидетельств своей неумной, ищущей натуры.

Уже появились первые картины маслом. «Девушка у печи», выполненная в тонах, заимствованных у земли-матушки, принесла неудержимую... критику. Не положительную, нет. Разве можно понять сразу оригинальные замыслы молодого автора. Смелый размах руки. Невыписанность деталей. Символизм и экспрессию, вырывающиеся из «тела» первых уже холстов и кричащих будто о своем появлении:

«О, это я, внимайте мне! Мое явление! Поймите и примите!»

Нет. Никак. Не так просто. Хотя первое произведение не так сразу и дается. Будто само норовит «в печь» прыгнуть, факты поджарить, переборщить, насолить, подсластить, да такого заварить...

Но он — художник! Должен терпеть! Она (резкая критика) сопровождала дальше по жизни. (Как впрочем, всех потом великих.) Все попытки создать свое, новое, непревзойденное с самого начала приносят неудачи. Впоследствии он даже

начинает общаться виртуально со своим критиком. Мысленно спорит с ним, оппонирующим не столько с желанием принести усовершенствование, сколько преследующим его самые яркие, как он был убежден, и смелые новаторства. Его творческая натура находится в поиске. И как благодарность, возможно, спускается с небес восхитительное чувство. Очевидно, невидимый дирижер указывает на его ждущую отдохновения душу.

Эдвард познает любовь. Бурную, взрывную. В этом возрасте она кажется чем-то особенным, небывалым, как ни у кого. Она ведет его к поискам нестандартных изображений прекрасных дам, природы в особом ее видении, столь же удивительной и чувственной. По-южному жаркой. Контуры фьордов, волнистые очертания, вязаные кружева природы, переходили впоследствии на его холсты неровными, рваными линиями. Завихрения в природных проявлениях транспорировались в подсознании и оттуда напрямик следовали на плоскости холстов или картонов в столь же немислимых, сложных конфигурациях и моделях.

Мунк пишет много эскизов.

Но и в картинах усматривают эскизность изображения, игнорируют его манеру не прописывания деталей.

Считают их незаконченными. Он останавливает под своей кистью такие мгновения,

далекие от спокойствия, что никак невозможно это передать обычными спокойными мазками, заглаженной поверхностью, стройностью и непоколебимостью линий. Лессировка, как гладкие гусарские лосины, претит ему. Он эксперементирует. Не только главные фигуры полотен, но и окружение передают психологические нюансы и взаимодействие живущих в природе.

Его живописные пазлы, — да, да, в некоторых произведениях очень похоже на них, — потом на одном из позднейших автопортретов особенно заметно так выписано, контрастируют, рефлексировать каждой клеточкой. Его свет и тень не спутаешь ни с чьими другими. Художник наносит краски на холст и в несколько слоев так, что они проникают друг в друга. Сливаются, играют, фантазируют, любят со всей силой красочных вибраций. А рожают потом соответствующие ощущения: Озарение, Страсть, Любовь, Отчаяние.

А потом словно разлетаются в воздухе в спецэффектах части полотен с посланиями дальше. Метафоричность и символизм, противопоставление сильных чувств, игра эмоций. Все это влечет за собой. Тревожит. Не дает успокоения.

Тогда и возникла у него любовь к Милли Илен Таулов. Быстро загоревшись, Милли обдала

его жаром страсти.

— Милли, ты моя Милли до конца дней! — шептал на ухо, обжигал удивительной горячей волной свою возлюбленную Эдвард. Он ее такой еще никогда не видел. Она открылась с неожиданно прекрасной стороны. — Скажи мне, мы с тобой до конца наших дней, скажи, — добивался от любимой молодой художник.

Вот они в просторной мастерской в Кристиании, увешенной уже накопившимися полотнами, картонами, рамами. Художник хочет показать все, на что способен. Куда рвется его воспаленная, утяжеленная страданиями юности, душа. Ему хочется получить взамен душевную поддержку и внимание. Милли хороша! В длинном сине-лиловом, цвета дымки над фьордами платье с яркой орнаментной вышивкой. Волнующая, высокая грудь в глубоком разрезе, затянутом у ворота витым кожаным шнуром, исподволь привлекает взгляд. Широкий пояс на тонкой талии, маленькая ножка в кожаном сыромятном башмачке. Выразительный, проникающий вглубь взгляд. В ее одежде умело сочеталось фольклорное начало с современным уже для того времени стилем. Он не мог оторвать глаз.

— Я буду писать твои портреты. Твои изображения увидят все!

— Успокойся, Эдвард, не столь

эмоционально. — Вскоре стала отстранять его Милли, избранница его любви. Она не смотрела на мир столь возвышенно и не видела такие краски, как художник. Ее душа не пела, это точно.

— Мы повидаем с тобой весь мир. Отправимся в дальние страны и путешествия. А потом будут снова написаны новые картины, новые графические посвящения нашей любви. Я вижу их, вижу! — захлебывался в страстных порывах восторженный молодой человек.

Просторная мастерская Эдварда, стоящая особняком в саду у дома, увидела процесс создания новых романтично-экспрессивных полотен. Будто высеченные из льда звезды, заглядывающие с любопытством в его ателье, светили ночами, когда он застревал возле них, родимых. Они светили ему мягким, теплым светом. Ветер обдавал, завихрялся по углам, проветривал насквозь продуваемое помещение. Художник, задерживаясь до поздна, особенно в зимние периоды кажущейся вечной, темной ночи, усиливал их свечение поднесенным близко-близко канделябром с зажженными свечами. Иногда они проливали воск и закапывали холсты. Застывали причудливыми сталактитами, тщательно очищаемыми потом. Иногда даже ставили на холстах особые пометы — магические разводы, конфигурации. С годами они утончались, открывая путь возникновению «черных» дыр. А с

удивительных плоскостей отражались будто замешанные на грубой муке, расцвеченные спектральными красками, взятыми у простой природы: красные, синие, зеленые, оранжевые, фиолетовые, коричневые «макаронины», впрыснутые будто большим шприцом в картины «нетронутые», от земли идущие рельефы. Уже здесь начинается его экспрессия, как художественный метод. Возбуждение автора передается красочными потоками энергии. Его мысль ищет способ отражения тонких, предельных, спектральных нюансов чувствования. Плоскости запестрели, забороздили, вспенили страсти. Для него в неопишемом восторге пролетели шесть лет. Спокойная прелюдия сменилась бурным адюльтером: они стали близки. Страстный любовный роман. Конец 1880-х.

Казалось бы, норвежский холод не мог породить столь восторженное чувство в молодом художнике. Но порождает! Эдвард Мунк с затаенной страстью запечатлевает Милли в самых различных позах. Она предшествует его Мадоннам, откровенно взывающим, манипулирующим вниманием, заставляющим сжиматься все чакры внутри. Запрокинута голова, вокруг образно и кричаще — красный ореол, — распластаны по плечам шевелящимися змеями завлекающие может даже в преисподню черные, горгонные волосы,

приоткрыты влажные губы, кажется беспрестанно облизываемые, тянутся к поцелую. Его чувство разговаривает с поверхности холста. Он экспериментирует красками, формами, знаками. Он предшествует экспрессионизму, вобрав в себя импрессию и наивность натурализма. Он не только влюблен в свои картины, а в нее, ее облик. Хотя она для него не модель, а просто любимая, желанная женщина. Только в конце жизни у художника будут две реальные модели. И то очень недолго. Тогда Милли затмила собой остальной мир. Снова прекрасная Муза художника! Ему нравится в ней все. Даже особая дерзость и независимость. Он пишет ее образ. Она не позирует ему. Она следует за ним и ее облик приходит каждый раз вместе с прекрасной Музой, как мудрой Совой, сидящей на плече. Он, однолюб, готов быть с ней до конца своих дней. Не уставая настаивать на этом и отдавать ей столько нерастраченных романтических чувств. Экспрессия уже рвется из своих пределов, пытаясь покорить страстными порывами возлюбленную.

Вначале их роман развивается спокойно, затем взорвался бурными эмоциями, будто дремлющие соки зимой, в одночасье расцветили окружающее буйным весенним цветом с тем, чтобы вскоре...отпасть сморщенными лепестками. А появятся ли крошечные зародыши настоящих

плодов, реальных, сочных, вкусных, животворящих?... Милли воспринимает все не так, не так... ах, снова несовпадение!..

Глава 2

История картины

Как только не называли художника Эдварда Мунка: ювелир безумия, страстный отшельник, отчаянный экспрессионист. Его имя было поставлено в один ряд с Сезанном, Гогеном и ван Гогом. На грандиозной парижской выставке «Истоки XX века» великого норвежца Эдварда Мунка признали одним из ведущих европейских художников двадцатого века.

Все его картины несли особую карму. Сопровождались экстраординарными событиями. Об одной истории более подробно.

Картина «Крик» художника Эдварда Мунка.

Картина «Крик» художника Эдварда Мунка была похищена в 1994 году.

Картина «Крик» художника Эдварда Мунка была похищена в 1994 году и похищалась вторично.

Картина «Крик» художника Эдварда

Мунка была похищена в 1994 году и похищалась вторично, потому что в ее создании заключалась загадка. Разгадав ее, можно приблизиться к пониманию: кто и что за этим стоит.

Стало известно: на картину «Крик» готовится новое покушение.

Информация: по фьордам известий

1994 год. Всего за 50 секунд два преступника вскарабкались по лестнице, выбили окно, сорвали картину «Крик» Эдварда Мунка из Национальной галереи в Осло ценой 75 млн. долл. и исчезли. Так «ознаменовали» открытие зимних Олимпийских игр в Норвегии. Три месяца спустя агенты Скотленд-Ярда, выдав себя за покупателей, арестовали грабителей. Один из преступников был бывшим профессиональным футболистом. Случай в Осло стал самым громким выступлением представителя летнего вида спорта (только назвать этот спорт уже можно иначе, может «кражболл»!?) на зимней Олимпиаде.

...2004 год, апрель. На Аничковом мосту старший следователь Следственного комитета Санкт-Петербургской прокуратуры Анастасия

Рыжова, прибыв по сообщению, обнаружила тело пожилой женщины, которая стала жертвой разбойного нападения. Пострадавшая находилась без сознания. Преступники скрылись.

В это время в Осло в Норвегии готовилось повторное покушение на известную картину Эдварда Мунка «Крик».

Самая загадочная и страшная картина прошлого века привлекала внимание преступников своей эмоционально-кармической сущностью.

Глава 3

Санкт-Петербург

Это письмо было написано за день до происшествия:

«Сегодня ездила на Сенатскую площадь, прошла мимо Исаакиевского собора с реставрированными и вернувшимися на место ангелами, мимо Медного Всадника, мимо гостиницы „Астория“ и асторского садика, где впервые поцеловалась после выпускного вечера, обогнув здание Астории, прошла до Невского проспекта по улице Герцена, ныне Малой Морской, какие красивые отреставрированные здания предстали предо мною, каждое — просто произведение искусства, какая же, ребята, красота

окружает петербуржцев, как нежно и ажурно, невызывающе украшен Невский проспект, и Кони Клодта заняли свое место после прошедшего „лечения“, и погода сегодня моя любимая — мокрый снег с дождем и сильным ветром, а настроение чудесное! Приезжайте к нам!!! Всех приглашаю!!!»

А весна этого года запоздала. Во всем мире после устойчивой борьбы с потеплением, природа решила отыгаться: сдавать позиции теплу не собирается. Она сама умная — знает, что делать. Первые взносы международного сообщества на поддержание климатических проектов сданы. Ставки сделаны, господа! Что дальше? Климат укротить не так просто. Все времена года стараются превысить свои полномочия. Оторваться. Надругаться порой над живущими. Но и на них влияют производители, потребители цивилизации. Как заставить придерживаться предписаний высоких структур тем, кто нарушает их в целях обогащения?

Несмотря ни на что в апрельском воздухе разливался стойкий аромат расцветающей медуницы и ольхи. Серый слякотный день быстро превращался в свою пародию: тени сгущались, людей становилось меньше, кони Клодта резче взбивали копытами, противясь будто какому-то

препятствию, слабо отражаясь в Фонтанке на пересечении с Невским проспектом. По Аничкову мосту, шла Алефтина Дмитриевна, погруженная в свои мысли. Что-то сегодня не здоровилось, еле смену закончила. Консьержка в одном из домов-парадиз. Живут же там люди, не то что она! Одинокая...

Нет-нет, и взгрустнется, и всплакнется одной. Что-то не так сделала, видно, что нужно теперь одной все преодолевать. Правда, не совсем одной. Муж у нее все же есть. Появляется, как ясно солнышко. Такой же рыжик, кругленький и ей под стать. Она сама ниже среднего роста. Удобно. Когда раньше шила сама себе платья, много материала не нужно было покупать. Сейчас редко себе шьют. Все норовят готовое, привозное. А что в этом хорошего?!.. Никакой индивидуальности. Ей, правда, уже не до того. Все равно что на себя одеть, лишь бы по сезону.

На мосту ветер пронизывал, казалось, каждую клеточку натруженного тела и срывался в этот день особенно злобно и яростно. Но она привыкла и любила все времена года. Она истинная петербурженка... Вот и мост, по которому столько ходила в разные годы, мира и войны. Мост столько повидал на своем веку за свою беспокойную служивую жизнь. Вначале деревянную и вполне скромную с виду. В 1841 году его возвели как

караульный, для проверки документов, въезжающих в бывшую столицу. Рядом в здании кордегардии проверяли паспорта. Вот бы и оставили за ним такую функцию! Охранник спокойствия... Реставрируя и украшая, превращая мост в каменное чудо света с композициями скульптур, символизирующих укрощение человеком дикой, необузданной силы, напоминая мифические легенды о близнецах-Диоскурах и божественное начало всего, мост становился все прекраснее. А сам подвергался разрушительному влиянию времени. Есть подобные скульптуры коней и в Вене, и в Милане, и во многих странах. Это были ее кони. С ними шла по жизни. Но и сильные кони Клодта не выдерживали, давали трещину. Их возили на реставрацию и торжественным шествием возвращали на места. Иногда казалось ей вот-вот кто-то стремный совершит нападение на бронзовые скульптуры и, желая поживиться, причинит им зло. Вандалам все с руки. Алефтина Дмитриевна вместе с ними пережила блокадный Ленинград, когда скульптуры коней с возничими спасали от фашистов, закопав во дворе Аничкова Дворца. Теперь она радовалась, видя красавцев на месте.

Обычно приближаясь к первой паре, она поднимала голову и смотрела на сильные фигуры. Вначале вздыбленный, дикий, несущий конь

вот-вот разтопчет поверженного юношу. Или ее любимая композиция: укротитель поднялся на колени и уже с трудом сдерживает разъяренного коня. Кажется она слышит его возгласы. Она уважает силу и старается сама держаться на плаву своей скромной жизни. Пройдя дальше, часто приходит к ней этот образ, ей представляется фигура на мосту с картины Эдварда Мунка «Крик». Почему именно в этом месте к ней приходит в память эта картина? Может потому, что она запала в душу в первом совместном путешествии с мужем, с которым она жила теперь через границу. Чего не бывает в жизни! А через мост они в юности часто ходили вместе, гуляли... Вот бы такой да через границу с Германией, где Марк живет сейчас, скоростной, надежный...

«Крик» теперь часто виделся ей. Как наваждение какое-то. Предопределение судьбы, возможно. Она не верила, считала сама, ни в какие такие бредни. Но часто слышала скрытый в гортани, невыходящий наружу, от ужаса запертый в безвоздушном пространстве крик.

«...А — ...» Даже кричать не получается, задохнулась...

Боже, что это?! Часто просыпалась от такого наваждения. Все пересохло в горле, дышать нечем. А уж если начинала кричать, то казалось этот *Крик* оживал, становился ее преследователем и казалось

похож на единицу с длинными, как кувалда руками. Вот-вот её схватит и начнет душить. А потом размазывать по стенам выжатую кровяную жидкость угрожающими письменами. Ей становилось так страшно! От такого пробуждения долго потом не могла отойти. Пожилую женщину не могло не тревожить, что на старость осталась одна, но ничего поделать пока не могла. И то хорошо!.. Не каждый может ездить к мужу в гости, (она умудрилась «на всякий случай» развестись с ним, что потом внесло множество непредвиденных, усложняющих обстоятельств для воссоединения семьи, которое не хотят признавать в Германии). Сейчас на старости лет они примирились с этим, путешествуют вместе по Европе. Так она смогла своими глазами повидать в музее Мунка известную картину! Она и потом не забывала об этом супер-экспрессивном полотне выдающегося норвежца. Интересовалась его биографией, собирала скудную информацию, когда уже одна вернулась домой.

Самое скандальное и вопиющее само по себе полотно. А его история заставляет задуматься: сколько преступных планов ангажировала эта картина! Будто создана как предмет, соблазняющий темные силы, потенциальное вещественное доказательство.

Что же предшествовало рождению картины

«Крик»? Что Эдвард Мунк вспоминал об истории ее создания? Её это тоже интересовало. Что-то определенно было заложено в основу в момент ее создания. Ведь мистика какая-то. К его картинам повадились «черные» артдилеры...Чаще, чем к другим. Раз уже крали, снова выбор падает на эту картину. Спокойную Норвегию постоянно трусит от криминальных артнабегов. Что дальше?! Существуют разные версии.

Повернем назад циферблат виртуальных часов.

Глава 4

Страсть Эдварда Мунка

Шесть лет любви с прекрасной Милли Таулов, которую он боготворил, казались прекрасной сказкой.

...Однажды Милли стремительно зашла в мастерскую и с порога он почуял неладное. Она была как обычно хороша. Но что-то отстраненное и холодное сквозило сразу. Ни о чем не говорила, но он читал ее мысли. Ее потоки сознания. «Она не столь эмоциональна, а прагматична и приземлена, — подумал. — Суха, как поздняя осенняя ветвь. Свою жизнь она не собирается строить в соответствии с моими желаниями,

желаниями художника. Во многом они не совпадают. Что же делать?!» Этот вопрос его мучал. Он не хотел разрыва. Он ее полюбил всем измученным сердцем.

Эдвард бродит в лесах в поисках самых стойких основ для красителей. Его интересуют кармин и охра, маренго и синяя купель. Начинает отшельничать, еще более пристрастившись к одиноким походам с похожим на армейский рюкзак за плечами. Ведь его отец был военный лекарь. Знал толк в травах тоже.

Этот промозглый, серый день, с низким куполом неба и столь же низменными эмоциями, — ну, какие эмоции могут быть без любимой женщины, — стал для Эдварда переломным. Его внутренний мир перевернулся настолько, что в дальнейшем там поселялись столь страшные существа и непредсказуемые действия... Словно под перевернутый колпак вдруг проникла хвостатая, троллиная ведьма Хольдре... Она открыла путь другим «скандинавам» северных саг. Там поочередно поселялись часто без особого приглашения госпожи Тоска и Разлука. Уродливый монстр Меланхолии нахлынул и давил непреходящей тоской. Он боролся с ним. Не хотел сдавать свои позиции. Художник желал творить красоту своими средствами, выражать понимание между людьми. Запечатлевать нюансы отношений

между мужчиной и женщиной. Не сладенькие ню, а кричащие, взывающие, обуреваемые страстями, обжигаемые, отстраненные, обособленные, демонстративные, демоничные...

«Ну, скажи, что ты все еще любишь меня? Милли, Милли! Нет, не уходи от меня, не предавай нашу любовь!» — мысленно молил художник и на холстах появлялись страстные призывы. Красочные разряды и звучные шлепки-оплеухи красок, попадающих сплошмя на холст, возбуждали больше его воображение. Он не отрываясь от мольберта, до изнеможения работал. Отбрасывал, исправлял, дописывал и снова бросал. Концентрировал консистенцию красок, сгущал эмоции. Разминал коренья, рвал их на части, настаивал, запаривал, процеживал. Будто снадобья варил для своих питомцев. Что его не удовлетворяло понять сложно. Он постоянно искал свое. Новое. Нестандартное. Соответствующее именно его мерилам гармонии.

В нем была она, его Любовь. Его страсть и отчаяние.

Шесть лет любви с прекрасной Милли Таулов, которую он боготворил, закончились ничем. С любовью возведенный мост между ними обрушился. В одночасье.

Она ему изменила и ушла с другим, ничего не сказав.

Он знал об этом.

Он чувствовал раньше, что это произойдет.

Он не знал, как этот ужас пережить.

Для него казалось все обрезано в будущем.

Как?!..

Его Муза, которую он потерял, столь безжалостно его предала и повернула всю его жизнь вспять. Его чувства, вначале облагороженные романтическими порывами, оказались растоптаны.

«Как это выдер... — задыхался от избытка чувств, — ...жать? Что буду делать, чем заполню такую вмиг образовавшуюся пустоту?» — взрывалось все внутри. На полотна летели слитками бесценных эмоций первого любовного опыта, вправленные в найденные рельефы экспрессии, новые и новые аспекты. Жизнь вилась следом кривой, неуравновешенной полосой, проецируясь на свежесть грунтованного полотна. Вокруг героев засновали равнодушные люди. Многие шли в противоположную сторону. Холод проникал всюду. Страх перед будущим сковывал и леденил. Все чувства выливались на полотна. Как стихотворные строки у поэтов, искренне и чутко...

Критика не восприняла его страстные полотна. Они шли в разные стороны понимания. Часто потом он ощущал это чувство: он шел в разнобой с общественным мнением, с друзьями,

любимыми женщинами, которых кстати у него было не много. Мысли и мрачные чувства художника выплескивались на новые холсты и они уже становились иными. Столь сильное чувство, которое пришло и было так резко предано и прервано, стало причиной его сильнейшей душевной боли. Что он мог предпринять, что противопоставить? Заменить?! Кем?! Он однолюб. Даже все остальное — столь преходяще. Милли Таулов — одна из немногих женщин, ставшая Музой тех лет, вошла не только в утонченное, болящее сердце художника. Но и стала частью его биографии, о которой узнали спустя века.

Его Муза, которую он потерял, столь безжалостно его предала и повернула всю его жизнь вспять. Его чувства, вначале облагороженные романтическими порывами, оказались растоптаны.

«Невозможно выдержать...» — задыхался от избытка чувств, — взрывалось всё внутри. После Милли Таулов уже не приходило в его растревоженную душу столь высокое волшебное чувство. Весенней свежестью любви Эдвард не мог похвастаться. Он замкнулся.

Отшельничал.

Одиночество. Одно из самых сильных видов страдания. Невозможность найти себе ту, которая смогла бы заменить столь сильную первую любовь.

На смену пришла столь же сильная тоска. Иногда хотелось рыдать. Иногда кричать.

Страх: все можно предать.

Вползал безотвратно в обнаженную душу монстр *Крик*. Не на кого положиться, не с кем иметь дело. Все ненадежно и преходяще. С давних времен... Будоражили страшные сны и не давали спать. В душе просыпалось бурчание и недовольство. От невырвавшегося крика вскакивал среди ночи и бегал по комнате, пока не успокаивался. Его дневники пестрят волнующими записями. Троллияная ведьма с хвостом завлекает в свои владения. Знакомые с детства мифы Эдды оживают. В воспаленном мозгу художника всплывают много раз слышанные легенды об асах — верховных богах Скандинавии. А ведь именно от скандинавских «асов» (или привычного термина «асе» в английском) произошел туз, карта, стоящая надо всеми, даже над королем; и ас — первоклассный летчик-истребитель. Главное он — Мастер своего дела. Художник стремится стать первоклассным мастером. Не дается все просто. Порой раздражается. И снова блуждает художник темными ночами с дрожащей свечой, полыхающей и тоскующей вместе с ним, отдавая, спасая теплом, светом, перед своими полотнами. Выпив крепкого чая с ромом, тяжело опускается на маленькую канапе и кручинится. В мозгу роятся образы.

Оживают саги. Спасительница-свеча становится все меньше, пока не пропадет вместе с теплящимся, плавающим в остатках ее «соков», огоньком.

Пришелся стопами троллиных лестниц и путей. Снова Лестница троллей, вновь достроенная Лестница Дьявола. Да, тогда землю населяли огромные и всемогущие «инеистые великаны», они же — хримтурсы, турсы, или тролли. Далее все удвоится и в геометрической прогрессии распространяется — во всем мире совпадают легендарные герои и приносят уверенность в том, что у нас у всех основы одинаковые. Все мы устроены по образу и подобию божьему. Одинаковые пути прокладывают подкожные трассы — вены и капилляры, конфигурации тела, извилистые «ореховые» лабиринты мозга, и очертания «ландшафтов» внутренних органов.

Возможно, отсюда идут лабиринты абстракции?! Только кто-то уподобляется тем древним троллиным моделям из царства вечной мерзлоты... Мифическая Хольдре питается кровью, потому что холодно, не разбирая, кому она принадлежит. Употребляет ее в личных целях. А разве нет такого, если холодно, или голодно, или не хватает на дом, белый теплоход и дальние страны, люксовую жизнь?!

И впиваются в горло.

И несутся крики.

И кружится винтовая лестница Дьявола. Она ведь ни к чему не прикреплена, можно вот-вот упасть.

Тогда поражает *Крик* пошатнувшихся.

«Кого могу противопоставить? К чему стремиться?...» — беспрестанно думает молодой Эдвард Мунк.

С огромным трудом он обретает себя. Но уже иного. Будто зреет и у него внутри монстр *Крик*. Этот страшный господин *Крик*, порожденный страданиями человека, слабостью его перед сильнейшим, помноженной на обстоятельства внутреннего и внешнего мира, находится бесконечно в поиске. Куда проникнуть? Кого поразить? Чуть слабинка — достанет где угодно.

Художник видит все глазами, переполненными страхом потерь и страданий. Не случайно, потеряв первой любимую сестру Софи, умершую в 15 летнем возрасте, обреченно потом изрек: «Болезнь, безумие и смерть — черные ангелы, которые стояли на страже моей колыбели и сопровождали меня всю жизнь».

Те его видения, сопровождая, до сих пор витают над нами. Они оставлены Мастером, беспокоясь, не находя себе тогда места, появляются видения у горизонта. Он ведь мастер мистического жанра, сам в него же был погружен, обладал огромным желанием влиять, появляться невзначай.

Он желал вечно будоражить. Эпатировать.

Экспериментировал вновь и вновь.

Искал. Вот-вот они, его образы, могут появиться снова. Ему ведь так хочется избавить мир от страданий. Изучить причину возникновения *Крика* и передать это понимание нам. Не жалея себя, как истый исследователь, многие эмоциональные и тяжелые восприятия пропускает через себя, взаимодействуя с окружением. Оставляет следы своих видений, чтобы вывести их художественные формулы. Запечатлеть для будущего. Усовершенствовать, повлиять на него. Когда с мольберта страдающего художника «увидело жизнь» произведение «Больная девочка», будто на больничной каталке втолкнули его к нам, впоследствии взбудораженный Эдвард делает вывод:

«Работа над картиной... открыла мне новые пути, и в моем искусстве произошел выдающийся прорыв. Большинство моих поздних произведений обязано своим происхождением этой картине».

Мунк много читает. Увлекательные романы Генриха Ибсена, переведенные уже к 1880 году романы Достоевского на норвежский и датский языки создают особый мир, питающий героев его полотен. Художник увлекается старинной литературой, классической мифологией, скандинавскими сагами, историей. Ее он изучает по

литературным трудам родного дяди, П.А.Мунка. И хотя с ним он в жизни не встречался, но вырос на его исторических трудах, которые играли в истории Норвегии одну из виднейших ролей. По сему видно, путь художника не случаен. Он целенаправленно шел к образам, ставшим классикой жанра.

Подведением итогов пребывания во Франции можно считать запись в дневнике, сделанную в Сен-Клу: «Больше не появятся интерьеры с читающими мужчинами или вяжущими женщинами. Должны быть живые существа, которые дышат, чувствуют, страдают и любят. Я буду писать такие картины. Люди осознают свою святость; как в церкви, в них обнажится главное».

После нее уже не приходило в его растревоженную душу столь высокое волшебное чувство. Весенней свежестью любви Эдвард не мог похвастаться. Его душа затаилась. Потом пришло отшельничество во спасение.

Как иногда бывает летом: ни с того ни с сего налетает огромная черная туча. Вобрав все самое светлое и жаркое у природы, сама от перенапряжения теряет свои краски и, почернев, начинает беситься в изнеможении, срывая все, что накопилось. Вырывает с корнем деревья. Стоит чему то оказаться чуть слабее, все сметается в

одночасье. Несется следом и бьется крупными каплями ураганного дождя. А уж совсем разозлившись, прибегает к сильнейшим средствам — разметав с неба всё крупными стеклянно-оловянными пулями-градинами. С выходом Мастера мгновенно все окрашивается ярким цветом. Идет трансформация северного сияния, столь часто становившегося моделью его же бунтующей живописи, звучной акварели, будто заливается импровизированная сцена софитами. Суровая графика рвется за пределы в окружающее зелено-изумрудными всполохами на красном пространстве. Его Видение идет следом. Виртуальная Фигура художника проявилась, как на фотографии при печати, вдалеке у горизонта.

«Солнце зашло, небо окрасилось в кровавый цвет — и меня охватило чувство меланхолии. Я остановился, обессиленный до смерти, и оперся на парапет; над городом и над черно-голубым фьордом, как кровь и языки огня, висят тучи: мои друзья продолжали свою дорогу, а я стоял пригвожденный к месту, дрожа от страха. Я услышал ужасающий, нескончаемый крик природы», — бесценное свидетельство дневника художника.

Фигура Мастера предлагает нам еще одну версию. Если прислушаться, можно услышать его рассказ.

Мунк, жил в одной отдаленной норвежской деревеньке и неподалеку был женский сумашедший дом, а также скотобойня...Предсмертные вопли животных и крики безумных женщин вдохновили, если можно так сказать, его на написание картины. В такой ситуации из-за бессилия что-либо сделать, крик рвется из груди и хочется закрыть уши,(что фигура в «Крике» и делает), чтобы заглушить ужасные звуки страдания...

Эти годы окрашиваются у Мунка красками рвущегося вверх извержения вулкана Кракатау в 1883 году. Эти эмоции, этот ужас перед необузданными силами природы рассыпаны красками впечатлений по многим полотнам. В то время это извержение, как указывают сейчас специалисты и пресса того времени, есть подробности и сведения об огромном количестве погибших людей. Извержение вулкана могло быть видимо из тех точек, где находился художник. Два года над Европой носились клубы красно-красной золы, которая попала фоном не только в страждущие, обнаженные эмоциями полотна. Он записывает в свой дневник:

«Облака как кровь и пламя зависли над голубо-черным фьердом и городом.»

Оттуда впечатления перетекают в его произведения. Он многое осмысливает, старается запечатлеть, запомнить, перенести если не на холст,

то на картон, бумагу. Или передать словами свои воспоминания. Известно, что на протяжении жизни художник не выбросил ни одну страницу из своих архивов. Среди них заключено много тайн. Он писал свои Манифесты. Он экспериментировал. Он страдал и даже «шалил», превращаясь в шоу-мэна в современном понимании слова. Делал активные выпады против своих обидчиков. Он обладал заметным чувством юмора и умел во время ошарашить пришедших, о чем будет сказано позже, даже разыграть, как было потом принято в нашем обществе.

А вот о «Крике», которых автор создал четыре версии, кроме остальных картин, вошедших в цикл, написано в самом произведении. Своеобразные «времена года» и места их проявлений. Существуют, представилось, особые знаки, кроме авторской подписи на многослойном теле картины, своеобразные татуировки, передающие мысли и побуждения художника. Их просто не может не быть. Эти знаки исподволь влияют. И вот в предчувствии этого, веду свой поиск. Ищу то, что может подтвердить догадку: художник-экспериментатор, размножил и распространил свои эмоции, заложив одновременно в четыре части цикла картин «Край жизни» Силу, с которой и пришлось впоследствии столкнуться.

В чем она проявляется?

Как характеризуется?

Где ее нужно искать?

Что скрывается под верхним слоем краски?

Это-то и нужно расшифровать.

Наверняка это определенный знак потомкам, о чем должны быть записи художника...

Наверняка, они способствуют особому интересу к раритетам художника похитителей разных стран, объединяющихся в криминальные группировки. У них теперь свой преобразованно-марксистский клич. Их манифест в противовес Манифесту художника: экспроприация!

Одно из очередных похищений нового века шедевров тщательно готовится.

Это, как раскрученный бренд, чем чаще их крадут, тем проще с его картинами действовать дальше.

Глава 5

Испания. Коста-дель-Соль

Бьорн и Петер, первый раз прибыли на белом круизном лайнере «Color Fantasy» до порта Малаги, совместив приятное с полезным, по адресу, переданному по цепочке связанных. Столица солнечного края, где удивительные пляжи простираются на 300 километров по берегу

Средиземного моря! Апрель, апрель, в воздухе пахнет оливами и цветущей азалией! Взяв такси, они вскоре добрались по гладкой, будто карамелька дороге, к месту интереса. Если отъехать в другом направлении, то через минут тридцать можно открыть для себя древнюю Андалусию: Севилью, Кордову, Гранаду. Здесь все дышит древней историей. Везде крепости а-ла-Синдбад-Мореход, замок-маяк «Хибральфаро», а на том берегу — Марокко, до которого кажется можно доплыть, невдалеке от моря, среди высотных сооружений — экзотическая арена для корриды... Но им туда не нужно. Их цель строго определенная.

Двое неизвестных молодых людей пытаются, не говоря и не читая по-испански, выяснить та ли это вилла. Незнание языков приносит множество хлопот. Они ищут виллу «Бельгийца». По описаниям будто эта. Главное — не ошибиться. И они беспомощно пытаются обратиться к переговорному устройству у ворот.

«Бельгиец», известный «черный» артдилер Эрик «Бельгиец», солидный в свои почтенные лета и баснословно богатый, отдыхал на своей шикарной вилле в Коста-дель-Соль. Кое-кто выстроил здесь свои замки один богаче другого на торговле наркотиками, сбыте краденного, «артнеппинге». Озеро с грациозно плавающими белыми и черными лебедями, вьющиеся розы, оплетающие изящные

беседки английского парка уже в начале апреля, филигранно выстриженные кусты, бассейны с подогревом, экзотические альпийские горки радовали глаз. Телефонный звонок нарушил его покой и уединение в глубине парка. Одновременно со звонком пришел служащий бюро и сообщил:

— Двое неизвестных ожидают у ворот.

Камеры наблюдения, входящие в то время в моду, но не так, как сейчас переживают настоящий бум, показали: двое неизвестных молодых людей вполне приличного вида.

— Сеньоро Эрико, мы от Давида Госка. Известно, вы знакомы. И есть конкретное предложение к вам, учитывая ваш опыт, — сообщил незнакомый голос по телефону.

Мафиози Эрик, поморщился, будто съел сразу пол-лимона.

Сделал знак подчиненному: впустить, но находиться в готовности. Мало ли что нужно!? Коста-дель-Соль славится сливками «мафиозного» общества, стекающего сюда. Испанское побережье, прибежище «спрутов» и «генералов пещанных карьеров», «крестных отцов» всей мастей и специализаций.

Разговор сразу пошел конкретный: известный шедевр Эдварда Мунка, уже однажды краденный, требуется снова выкрасть.

— Кроме вас, маэстро, кто может столь

качественно выполнить такую тонкую работу. Есть покупатель. Надежный. Дает сразу. Ваш знакомый Давид Тоска, швед, — не успел закончить фразу, как хозяин поспешил его подогнать. Не хотелось тратить столь приятный день, выдавшийся сегодня после затяжных холодов, на эти переговоры:

— Это имя мне известно.

— Сейчас он в тюрьме. Ограбление банка. Взяли его с поличным. 19 лет — срок не малый. У нас созрел план с помощью картины «Крик» надавить, чтобы скостили срок. Хорошее средство для выкупа. Шуму будет снова столько, может выгореть! Дело нашего главного находится на пересмотре, — энергично излагал тот, что был моложе, Бьерн Хорн, с нездоровым блеском глаз и татуировками на руках, виднеющимися выше закатанных рукавов тончайшей, лайковой, цвета бронзы курточки, одетой поверх простой черной майки. Глаза блестели от приема ЛСД.

— Картина не застрахована, есть сведения, — сообщил второй, широкоплечий здоровячок с револьвером, силуэт которого явно просматривался под пиджаком. В Италии уже в это время тепло. — Мы предлагаем долю...

Эрик «Бельгиец», напоминающий юркого Андриано Челентано, но не певец, нет, поморщился, будто съел вторую половину лимона.

— Картины не могут служить для выкупа, —

заявил известный похититель. — Это не так просто осуществить и не выгодно. Я категорически против такого расклада. И вообще ребята, я отошел от дел. Мне достаточно. Пора на покой, а вам нужно и делайте сами, я свое наработал, не плохо, правда, — и он огляделся вокруг, с гордостью погладил грудь, а потом протянул руку в изысканное, архитектурно-выстренное окружающее пространство и раскатисто рассмеялся. В свое время Эрик «Бельгиец» один из самых удачливых и выдающихся похитителей прошлого века, совершил 600 краж произведений искусства, сказочно обогатился, учитывая несовершенство закона в отношении этого вида грабежа, называемого еще «артнеппинг», сравнивая с «киднеппингом». Картина для художника, как ребенок для родителей. Его еще нужно не только создать, усовершенствовать, но и пестовать, охранять и лелеять. Чуть не так, сразу «прокол»!

Картина «Крик» будто, оказалось, создана автором для таких проколов. Несовершенство охраны, страховки, да мало ли какие мотивы движут кражи произведений более или менее заметных в истории искусства. На них наживаются черные артдилеры. Почти за каждой солидной коллекцией стоят такие черные силы. Четыре варианта «Крика» — как четверо братьев. Не близнецов, разумеется, наоборот. В каждом варианте — изменения. Каждый

из них — модификация эмоций и болезненно-обостренного состояния автора. Каждый — носитель информации.

Четверо коней Клодта. Созвучно! Движущаяся лента экспрессии. Будто удвоенная в эмоциональном воздействии.

Первоначальное название «Отчаяние» отправляет к истокам создания этой уникально выстраданной, на грани запредельно возможного состояния души, картины. Разрывающие полосы пространства холста, сверх эмоциональные волны, отправляемые в окружающее и в будущее. Фигуры двоих движутся, отрешенные от действительности. Им ни до кого. Этот истошный крик жертвы, это перекошенное от страха лицо, зажатое двумя руками, чтобы не разлетелось стрелами от возможного перенапряжения. Еще чуть-чуть и натянутые тетевою линии, выпустят сигналы еще большей опасности, вибрируя и оглашая всю округу страшным, истошным, нечеловеческим криком.

— А-а-а-а-а! — Вытягивая из души свет, темные силы давят на нее так, что от высшей степени отчаяния можно таким криком разразиться, что никому не будет спокойно. Этот звериный крик жертвы будет преследовать потом всю оставшуюся жизнь и преступника!

Поиски художника велись годами.

Окружающее в истории двигалось по своей спирали, втягивая в эту мясорубку современников. Он отдавал себе в этом отчет. Он был образован, увлекался философией и теорией Ницше. Вдали исторического коридора маячили годы нацизма. Страх, дикость, жестокость, отчаяние, крик — сопровождающие аксиомы кровавого времени. В «черную» воронку попадали потенциальные жертвы деспотической власти.

Картина, как вещь в себе, возбуждала преступное начало. Манила черные силы, криминалитет Европы своей страшной сущностью. Руки, жаждущие наживы, тянутся, как мухи на мед летят, к тягуче-черной экспрессивности полотна. Но от сделки в качестве предмета для выкупа другого преступника, кулака, занесенного за его головой для освобождения от правосудия, известный «черный» артдилер... отказался. Нет в такой среде понятий поддержки и заботы. У него свои представления:

— Настоящий грабитель картин не будет ими манипулировать. Мы слишком любим искусство и не для этого идем на все, чтобы потом им рисковать, — выдал такую парадоксальную фразу грабитель артефактов Эрик «Бельгиец» и сделал знак охране, чтобы сопровождала непрошенных посетителей к выходу.

Глава 6

Аничков мост. Санкт-Петербург

Алевтина Дмитриевна Москвинова, небольшого роста, но крепкой конфигурации. Гордо поднятая голова, строго несущая спина, и только несколько переваливающаяся с ноги на ногу утиная походка. Годы дают знать! В слегка поношенной стеганной куртке, шапке с козырьком и закругленными «ушами», защищающими от противного апрельского ветра, казались явно с чужого... не плеча, а головы. Наверное, от дочери, вышедшая из моды, явно молодежно-спортивного типа. Ее облику придавали что-то беззащитное, щемящее.

...Алефтина Дмитриевна Москвинова увлекалась живописью. Много читала, смотрела в библиотеке удивительные глянцевые альбомы и душа радовалась. В долгие часы одиночества она открывала мир искусства. Удивительно, простая женщина, а такие интересы!.. Представляла, что происходило тогда; как мастер создал такую картину, что она дошла до сегодняшних дней и волнует даже ее своей неповторимостью. Такой неповторимой, как «Крик» она не знала. Алевтина еще раньше жалела, что не стала сама художницей. Не сложилось у нее получить соответствующее

образование, чтобы работать в прекрасных музейных залах, рассказывать посетителям истории: «На этой картине, принадлежащей кисти выдающегося норвежца или „малого голландца...“, к примеру...»

Она работала кинотехником в кинотеатре. В свое время переполненные залы. Интересная работа тоже. Множество кинофильмов пересмотрела. Много читала о кино и о живописи, бывала в «Эрмитаже» и даже одно время работала там. Когда в киноиндустрии наметился спад, ушла на пенсию. То было время когда кинотеатры не давали никаких сборов, а сотрудникам нормальной зарплаты. Потом она стала зрителем зала в «Эрмитаже». Но большая оплата в элитном доме ее подкупила.

Смену сдала и идет неспеша.

Настроение — прекрасное. Можно спокойно пройти домой. И она идет одна по мосту, вдыхая свежий апрельский воздух. Вот она уже у третьей скульптуры, где юноша поднялся с колен и укрощает еще разгоряченного коня. Ей представилось, каким характером обладает этот юноша, чтобы так укрощать природу. Но тут крупные капли дождя по отдельности, как крупные градины пота с крупа покоряемого коня в схватке не на жизнь, а на смерть — попадали с разверстого неба.

Из небольшой кошелки торчал зонтик и

вязание с воткнутыми в клубок спицами. Дождь припускает, вот-вот прольется из накуксившегося, мгновенно собравшись в складки, серого полотна неба. Она замешкалась, пытаясь достать из сумки зонт. Он потянул за собой нитку. Как он попал туда в пакет с вязанием? Пока Алевтина Дмитриевна возилась с этим клубком и спицами, откуда ни возьмись спереди нее появился долговязый, сутулый молодой человек. Сзади в спину уперлось что-то. Видно подельник остался позади, пока второй зашел спереди. Как на зло в это время по близости — никого. Она вздрогнула, вроде фигура отделилась от коня и этот скульптурный, металлический юноша с металлической душой вырос перед нею.

— Куда спешим, мать? — обратился вначале длинный. — Выкладывай, что там у тебя новенькое! — резко скомандовал.

— Да что ты, сыноч...

Долговязый со всего маху ударил старушку в глаз, не дожидаясь объяснений, — дыхание перехватило на полуслове. Вторым ударом молодой нелюдь сбил ее с ног. Истошный, отчаянный крик раздался на мосту. Откуда появились силы, через страх, — сердечко колотилось, вот-вот выскочит:

— А-а-а-а-а! — взрывающей пространство.

— Убива-а-а-а...

Вслед еще удары, еще, и еще! Уже ногами.

Куда попало и по лицу, по голове...Боль! Крик зашелся на одной ноте.

Родившись в глубине гортани, вобрав в себя защитную силу души, вырываются из своих пределов, созданные из боли, страха и обиды острыми стрелами, истошные звуки.

— А-а-а-а-а!.. — и обрыв. Сознание не смогло больше с собой бороться. Отключилось.

Неожиданность — излюбленный прием налетчиков. Крика они вроде не слышали. Мгновенно порывшись в кошелке, нашли, что искали. Будто знали: кошелек! Схватил длинный. Второй вывалил содержимое сумки на мост. А сумку отбросил за ненужностью. Нужно спешить... Там были консервы и палочка колбаски к ужину. Рассовали эту нехитрую снедь по карманам кожаных курток. Длинный пнул несколько раз еще ногами в лицо, выразительно и злобно посмотрел на меньшего ростом, видно, чтоб по очереди... Круговая порука. Может, чтобы вообще не встала и не донесла. Старушка потеряла сознание.

Казалось ей в последний момент, падая, что конь Клодта вот-вот пнет нападающего на нее бандита. А может и на нее двинется... Последние красные всполохи заходящего солнца прорезали серую мряку. Будто софиты осветили эту сценическую площадку, где снимается жестокое, банальное кино. Но она уже не видела ничего. И это

была объективная реальность. Криминальный Петербург. Начало нового тысячелетия.

Алевтина Дмитриевна лежала под хорошо припустившим дождем.

Двое молодчиков, не озираясь, удалились. Пройдя по мосту через Фонтанку, они оказались на Невском проспекте, затем прошли до улицы Маяковского, вошли под арку, через проходной двор, случайно найденный ими, где в одном из домов как раз и работала Алевтина Дмитриевна, затем к Мариининскому театру; за ним и скрылись из виду.

Удивительно, что людей почему-то в то время, роковое для нее, на мосту не оказалось. Что это!? Происки темных сил?! Откуда взялись эти нелюди с приятными молодыми лицами?!

Сколько она так пролежала точно неизвестно. Благо, недалеко закончились занятия в студии бального танца. Веселые пары выпорхнули из широких дверей. Одна парочка пошла вперед, наслаждаясь еще соприкосновениями друг с другом. Такое контактное кружение лечит многие проблемы и даже болезни, доказано. Они еще несколько раз покружились несмотря на дождь и далеко не бальный костюм. Эта пара, найдя друг друга, жила еще танцем. Готовились к предстоящему европейскому турниру. Им пришлось первыми столкнуться с бедной Алевтиной Дмитриевной.

Выйди немного раньше они, возможно, и предотвратили бы это преступление. Но кто знает, кто знает, что где может произойти...значит подобное могло произойти в другом месте. Молодчики повстречались отпетые!

Любочка Лебедева, глазастая и озорная, оторвалась от партнера Олега Зимина. Несколько неуклюжий, в очках. Видно, отправился на танец противостоять своему стеснению.

— Смотри, смотри, кто там? — только вскрикнула, увидев лежащую фигуру, как уже ланью в два прыжка оказалась рядом с жертвой. И сразу стала звонить по своему мобильному телефону.

— Срочно, примите вызов! На Аничковом мосту совершено разбойное нападение. Пожилая женщина без сознания... — Люба оказалась медсестрой. Прощупала пульс. — Пульс слабый, но жива... Более трогать лежащую не решилась. Только ужаснулась: лицо представляло собой кровавое месиво. Лужица крови запеклась на мосту.

Жизнь встала к барьеру на выживание.

Глава 7

Братья, почти Карамазовы

...Двое молодчиков приехали к своему дяде из Мариуполя. Он пообещал их пристроить к какой-то

работе, — дома в то время совсем ничего. Мать одна мучается. Перебиваются. А привыкли к нормальной жизни. Раньше его сестра Клава на золотых приисках работала в Сибири и отец тоже. Там замуж вышла. Мальчишек баловала. Самое лучшее им. Иногда исподтишка. Первый муж — утонул в Енисее. Второй — алкоголик. Мальчишки были еще маленькие, муж пил запоями, издевался над ними. Выгонял мать на мороз из дома на глазах детей. Дебоширил. От алкоголизма и умер, но успел отложить в душах детей пустоту и мрак. Клава потом уехала к матери на родину, когда та была при смерти, да и остались там.

Брат Евгений как раз в это время в Петербург переехал. Познакомился с одной певичкой. Он в этом оказался спец высшего класса! Раньше у нее любовник был первый секретарь обкома партии, а их отец тоже из номинклатуры. Так слово за слово в Питере и познакомились.

Моложавый, хоть и рано поседевший, в прекрасном костюме на две пуговицы, из генеральской шерсти бутылочного цвета, выработанном в авторском, как рекомендовал, исполнении, с жилетом, строгой черной рубашке и галстукке изумрудном с биркой изнутри «Пиере Кардине», он являл собой иллюстрацию к старому, доброму фильму «Чародеи»:

«Главное чтобы, главное чтобы, главное

чтобы костюмчик сидел», — пели. Он в этом шел дальше. Напролом. Такой иллюстрацией-галлюцинацией Евгений Евгениевич представлялся своим многочисленным партнерам-партнершам-попутчикам жизни. Немолодой уже певице Олечке К. в подробностях, с достаточной долей презрения и юмора рассказывал, как его домашний «партиец», вроде его отец или скорее всего нет, до первого не дослужился, представляешь, мол, на должности второго застрял. Давние связи и высокие претензии. Дома становился в позу царя и бога. Все, что хотел себе позволял. Да, и с ними счеты свел. Домашний тиран. Изверг.

Неудержимая дикость и жестокость Евгения Матвеевича Маскина к своим домашним поражала. Будто с чужими вел постоянную борьбу. Утверждался. Чуть-что налетал с кулаками и оскорблениями. Мать написала о его поведении дома, издевательствах над близкими, дебошах заявление наверх, — и папашке зарубили карьеру. Орден Ленина не дали, на карьере кандидата первого секретаря горкома партии остановился. На этом его смысл жизни закончился.

Существовала легенда, что Маскин его ненастоящая фамилия. Отчим Евгения — итальянец Районелли, а взял эту фамилию после войны, где служил вообще в противоположном лагере, помогая

фашистам в комендатуре. Использовал документы погибшего партизана, похожего на него, чья престарелая мать Розвита действительно была итальянкой, ну, а отец — погиб на фронте. И концы в воду. Своего старшего сына, Евгения принял от брата Семена Васильевича Тарновского — Бориса. И это событие стало строжайшей семейной тайной, не раскрытой даже на смертном одре. У Семена жена была тоже итальянка, а они после войны держались дружно диаспорой. Выживать нужно было сообща! Сохранилась старая фотография трех хорошеньких девушек в почти одинаковых платьях с белыми, отложными воротничками на каблучках на ступенях Потемкинской лестницы. Подруги — настоящая мать Евгения — итальянка Паола, приемная мать Клава Маскина и ее кузина Вера. На обороте подпись «На вечную память. 1950 год». Тогда случилось непоправимое: Семена Тарновского с женой-красавицей итальянкой Паолой сослали в ГУЛАГ, где они и погибли.

Их единственный сыночек, голубоглазый ангелочек Женечка, остался на воспитании фашистского оборотня.

Издеваясь над близкими, Евгений Матвеевич Маскин реализовывал свои желания возвышаться над всеми любыми способами. В семье это очень удобно, хотя не всегда выгодно. По сути он — даже тройственен. Такой себе, очередной перевертыш.

Раз! — и уже совсем другая личность: на работе один, дома другой. А еще и по документам — третий. И он такой далеко не единственный.

Жена карьеру ему все же зарубила.

Евгений Матвеевич тогда провозгласил последнее:

— Хочу туда, в «шарик»! — без карьеры вверх жизнь потеряла всякий смысл, потребовалось немного воли уйти в противоположном направлении. Он вскоре ушел. А воспитание внуков, оставшихся без отца, интересы семьи, в которой каждый — личность!? Это его интересовало в меньшей степени, как строка отчета при перевыборах: женат, двое детей. А как они росли, ему было недосуг. Что передали его дети своим?... От разочарования в жизни, и в официальной, где он достиг своего потолка, и в семейной, где его только боялись и не уважали, — слег и вскоре умер. Слуга народа не дал жизни своим близким. В такой обстановке росли мальчишки — Виталий и Руслан. Дочь, промаявшись, вернулась из Сибири, когда он был еще на вершине карьеры. Дети впитали зависть, жестокость и дикую злобу. Желание жить лучше других несмотря ни на что. Право силы. Ее они тренировали. Скорее младший, желающий стать супермэном. Самооправдания уже были готовы заранее: с одной стороны — несчастное детство,

трудности в семье. Хотя и не в таких неблагополучных, голодных, нищенствующих семьях, вырастают личности, отторгающие от себя зло. Кто на что себя готовит, мотивирует... С другой стороны — компьютерные игры жестокости, дикой злобы при достижении вдруг возникшего желания взять, победить, стать самым всемогущим любой ценой. Руслан всецело был ими поглощен. Компьютерный мальчик новой генерации! Пусть летят в человеческое тело пули, пусть сапоги кромсают тонкую кожу лица, чем и когда им задуматься над этим, тренированным на жестокость?!

После ограбления старушки на мосту, пошли молодчики напрямик к своему дяде в отреставрированные по новому проекту престижные дома, где они остановились. У младшего созрел план. Взять по-крупному. Что мелочиться!.. Но и мелкие суммы на дороге не валяются. Их нужно брать. Сами не дают, значит силой. Силой почти тянул за собой брата. Но если б он не хотел... Мог бы вообще уйти в сторону. Не ушел. Слабость души?... Будто взбирались они снова по той самой Лестнице Дьявола, описанной в позапрошлом веке Достоевским, находящейся где-то рядом. Только для этого опускаясь ступень за ступеней вниз. Вот она рядом и Гороховая улица, и Шестилавочная. Рядом с Невским проспектом. В

центре северной Пальмиры. Среди уникальных архитектурных памятников, вызывающих к эстетическим, прекрасным чувствам, рассадники преступной жестокости. Чем больше город, тем более процент криминалитета. Оглянитесь вокруг, хочется крикнуть не процентам, а людям, но разве докричишься?! Монстр *Крик* следует по пятам.

Долговязый Руслан Хасин был младшим братом второго по-меньше ростом, как толстый и тонкий, Виталия Спельта. Мать — Клавдия Маскина одна, а отцы — разные. Не известно еще, не одно ли это уже на их общем счету преступление. Это еще предстояло узнать следствию.

Пока на Аничковом мосту появилась следователь прокуратуры Анастасия Рыжова, фельдшеры «Скорой помощи» оказывали первую помощь пострадавшей, реанимируя ей сердечную деятельность, которая вот-вот может прерваться. Алефтина Дмитриевна — сердечница. Жизнь прожила тяжелую: война, участница боевых действий. Тяжелое ранение. А сейчас живет одна. Семья уехала в Германию на постоянное место жительства. Она была с мужем в разводе и не продумав заранее, чем это может обернуться, осталась одна. Уезжать не хотелось, а самой теперь каково... Сейчас же никаких оснований для выезда у нее не была ни по какой линии. Документы

подавались на мужа, Марка Исаевича Марковского. Так и осталась под старость Алевтина Дмитриевна Москвинова одна. В свои семьдесят работала еще и консьержкой. А два раза в году могла выезжать к своим на три месяца. Это все, что она могла себе позволить при очень скромной жизни. Хотя это понятие тоже относительно.

Возможно, эти двое ее выследили. Такие совпадения маловероятны, что в день зарплаты, а она получила еще и пенсию за три месяца сразу, так как была в гостях у своих в Германии, еще долго пришлось ждать у окошка их кассы. Да, ей даже показалось потом, что кто-то там за нею ошивался. Присматривал. Да может показалось. О плохом не хочется и думать. Явно, поспешила получить деньги, отправляясь в конце смены одна через мост. Могла бы и утром в свободный от работы день специально прийти, но увы...Что-то не досмотрела,пустила на самотек...

В реанимационном отделении центральной больницы имени Соколова. Сюда по Скорой помощи доставили Алевтину Дмитриевну Москвинову. В карманчике сумки было удостоверение службы охраны общества с ограниченной ответственностью «Бонус».

Состояние оказалось крайне тяжелым.

Рентген. Капельница. Реанимационные

процедуры. Оказалось, черепно-мозговая травма, глазное яблоко выбито. Били ведь ногами куда попало по голове. Множество рваных ран на лице. Как еще выжила!..

Дежурный хирург Антон Иванович Смирнов рекомендовал делать срочную операцию.

«...Жертва нападения потеряла много крови. Находится без сознания, есть угроза потери зрения, правая почка подлежит операции,» — констатировал в журнале дежурства реанимационного отделения.

Глава 8

Из прокуратуры Петербурга

Следователь Анастасия Рыжова, оправдывая свою фамилию с яркими рыжими волосами, подстриженными каре, повела первоначальные криминалистические действия. Вызванные спецы из криминалистической лаборатории, прибыли. Огородили место на Аничковом мосту широкой лентой. Осмотр местности. Нужно обязательно найти, что-то должно сохраниться, чтобы найти следы преступников. Следователь выписала повестки первым свидетелям Лебедевой Любви и Олегу Зимину, и отпустила их.

Анастасия Рыжова, старший советник юстиции, работает три года в Следственном комитете городской прокуратуры Санкт-Петербурга. На ее начало деятельности попал всплеск криминалитета. Чем более свобод и обещаний давало правительство, тем более разгуливался криминалитет. Красиво жить не запретишь! Расхожая формулировочка, оправдывающая противоправные деяния.

Кроме активных расследовательских действий Анастасия Филипповна пишет кандидатскую диссертацию «Криминальная война в Европе начала тысячелетия». Глядя на ее довольно хрупкую фигурку никогда не скажешь, что она не только умудренный уже опытом нескольких бурных лет опасной деятельности. Еще и наукой умудряется заниматься, вовсе не похожа ни на супер деловую женщину, или строгий «синий» чулок. В ней все сочетается гармонично. Не преувеличивая свою значимость и руководящие функции в группе. Готова прибегнуть и к совету, и откликнуться на просьбу, и собрать всех вокруг себя, чтобы совместно помозговать, продвинуть следственные действия. Ее мозговой штурм обычно сопровождался умеренной раскачкой фактов, имевших место быть. О будущей защите диссертации, которую она вдруг явственно представила и не могла и не хотела избежать,

думалось исподволь. Размышляла. Собирала факты, сопоставляла, искала ответы на: почему? Почему и благополучные, устроенные в жизни люди идут по преступному пути? — Эти вопросы не давали покоя.

Они сидели в кабинете с заместителем начальника прокуратуры Лаврененко Алексеем Вадимовичем и другими коллегами, пили вечерний чай и выстраивали цепочку происшествий их прекрасного города недавнего времени.

Анастасии нужны дополнительные сведения и она каждую свободную минуту использует, для пополнения своей базы данных, да и упражнение для присутствующих на развитие памяти.

Актуальная в то время информация.

— Новому витку «криминальной войны» в Петербурге было положено 25 мая 2003 года, в день убийства в Москве известного питерского авторитета Константина Яковлева (Кости Могилы), — отметил зампрокурора, старший советник юстиции Алексей Вадимович Лавриненко. — Помнится, милицейские эксперты сразу же предостерегли, что у нас в северной столице уже в юбилейные дни может начаться череда убийств крупных бизнесменов и чиновников. Но они народ битый и в дни особой готовности милиции выждали «юбилейную» паузу.

Анастасия включила диктофон. Они

частенько проводили такие «мозговые атаки», дабы не забылось. Практика жизни подбрасывает периодически новые преступления. Как прекратить этот «железный поток» жестокости и кровавый поток боли? Неслышимые здесь, но явные «крики», взывающие к помощи.

— Уже 9 июня было совершено покушение на главного нарколога Северо-Запада Леонида Шпиленю — его пытались взорвать в подъезде собственного дома. Шпилене лишь чудом удалось выжить и сообщить о случившемся в милицию, мы выехали на место происшествия, — вспомнил криминалист Юрий Сосновский. — Отсюда потянулись ниточки других преступлений.

— 8 июля на Тихорецком проспекте был тяжело ранен 55-летний армянский авторитет Шура Авакян. А на следующий день — 9 июля в Петроградском районе был расстрелян генеральный директор фирмы «Тингс» криминальный авторитет Рустам Равилов. Равилов прибыл из Татарстана, где возглавлял группировку, которая не только обирала местные коммерческие структуры, но и пыталась поднять нефтяной бизнес, — поддержал тему зампрокурора Лавриненко.

— А ты, Настасья Филипповна, не дашь спокойно чайку попить?!

— Не дам, Алексей Вадимович. Есть такие факты. Кто больше? — подзадорила Настасья, тетка

известного персонажа Достоевского «Идиот», будто играя в пе-пе-же. Она задорная и энергичная частенько оказывалась душой компании. Криминальные истории сопровождали из столетия в столетие крупнейшие города России. Чем больше город, тем естественно, большее количество шокирующего материала.

— А 5 августа в Крыму был убит один из наиболее известных криминальных авторитетов Петербурга Руслан Коляк. Он контролировал несколько охранных фирм и взаимодействовал не только с «теневыми» структурами города, но и с милицией, как заведется одна паршивая овца, все стадо портит, — возмутился Сосновский, громко заколотив ложкой в чашке, — все обратили на это внимание.

— 7 августа в Петербурге взорвали председателя совета директоров ОАО «Фармацевтическая фабрика Санкт-Петербурга» 34-летнего Исмаила Рагимова. На пути следования его автомобиля заложили фугас наподобие тех, что используют чеченские боевики. Эксперты предположили, что убитый Рагимов планировал встретиться в Крыму с Коляком, для чего даже заказал авиабилеты, — не успел предприниматель на стрелку, — заключил зампрокурора, листая уже свой журнал.

— Не так быстро! Преступления сыпятся, как

из рога «изобилия-наоборот». Хорошо бы обратная связь, чтобы все назад попало, жаль так нельзя, — пожалела молодая следователь. Она за три года после выпуска из знаменитого института МВД не могла привыкнуть к такому бешеному ритму накручивания преступности в любимом родном городе.

Может поэтому связи с родными пенатами не теряет, успела закончить аспирантуру и взять тему кандидатской диссертации. Это ее второе высшее образование. Ко всему она относится с особым пристрастием. Так и теперь не только к раскручиванию преступлений, но и к подготовке материала для своей кандидатской.

— 13 августа в Петербурге был убит учредитель крупной мебельной фабрики 38-летний Игорь Новик, — поддержал тему следователь по особо важным делам Владимир Макаров.

— Как раз в мой день рождения, когда мне тоже исполнилось 38. Хорошо запомнил этот случай. Труп бизнесмена был обнаружен около полуночи по улице Орджоникидзе. В тот же день был жестоко избит бывший вице-губернатор Петербурга Анатолий Каган, в последние месяцы находившийся под следствием по подозрению в том, что возглавляемый им комитет по здравоохранению искусственно завышал цены на лекарства для петербургских льготников.

— 18 августа было совершено покушение на известного петербургского бизнесмена Андрея Мироедова (известного в определенных кругах как Мирыч), — подтвердил сотрудник другого отдела, войдя в кабинет. — Чай всем наливают? А я бы кофейку выпил. Засидеться придется. — Старший советник юстиции Александр Яковлевич Замятин пользуется всеобщим уважением. Если что узнать, к нему пожалуйста. Да и сам, когда чувствует, что где-то собрались на коротке, обязательно присоединится. Коллектив — сила!

— Заметьте, во всех упомянутых случаях от рук убийц страдали люди весьма серьезные, имеющие отношение к самым криминальным сферам бизнеса — нефти, наркотикам, спирту, — Александр Яковлевич делает выводы. Он ведет студию «Ток-шоу» на канале вечернего телевидения.

— Спросите меня, я отвечу. — Эта фраза стала его приговоркой, уж очень любит поучать. Его опыт — богатство всех.

— Подобной череды преступлений в городе не случалось уже несколько лет, недождавшись вопроса, продолжает, — и власти любого города, в котором происходит подобное, по логике должны были бы обратить внимание на начавшийся бандитский беспредел, — продолжил риторику Александр Яковлевич, — однако власть в

Петербурге переживает не лучшие времена. И как говорится «все дороги ведут в Рим», так и в любом случае от власти зависит порядок в городе. Передавая полномочия властным структурам горожане хотят спать споко...

Раздался неожиданный звонок. Всего несколько минут выпало тихих.

«На Аничковом мосту совершено разбойное нападение!» — женский голос взволновано сообщил о событии. — «Пожилая женщина находится в бессознательном состоянии.»

Зампрокурора Лавриненко скомандовал:

— На дознание отправляются следователь Рыжова и криминалист Юрий Сосновский. Владимир Макаров остается на смене...

Глава 9

Квартира дяди

Когда племянники пришли к дяде в новую квартиру в элитном доме по улице Маяковского, он смотрел футбол. Большой фанат! С порога заметно, квартира «нафарширована»! Люксус! Все в стекле и золоте. Стильная белая мебель. Белая кожаная тройка: диван тройной, двойной, кресло. Картины в дорогих рамах на стенах. Витрины с небольшими уникальными коллекционными вещицами,

старинными портсигарами. Основная коллекция и ценности находятся не здесь. Но племянники об этом не знают. Они слышали и о золотых монетах, и коллекции уникальных дорогостоящих картин, которые можно в любой момент выставить на аукцион и получить кучу зеленых. Вроде получил их дядя от своей бабушки по матери такое наследство. И это уже другая история. О нем вообще сплошные тайны витали в семье, о чем не говорилось вслух, или только намеками, экивоками.

— Ужин в холодильнике. Берите, что хотите, — бросил в рекламную паузу.

И налил себе бокал прозрачного пенящегося пива.

Кухня — гостиная — мечта. Холодильник — восторг!

Ребята проголодались. День напряженный. Вечер принес добычу. Но кошелек еще не открывали. Оставили на потом. После ужина. Этим заправлял Руслан. Говорить между собой об этом происшествии запрещалось.

В паузу пришел в гостиную дядя.

— Ну, как, жить можно! Наслаждайтесь, пока можно! Смотрите, как чудно все вокруг, — и он с ухмылкой потер маленькие сухонькие ручки.

Младший брат Руслан достал из холодильника бутылку водки. Резко открутил крышку. Так же резко налил себе почти стакан и выпил. Пальцы,

обхватившие стакан татуированы крестами. Сидел. Несколько раз. За грабеж и разбойное нападение.

Что привело сюда в северную столицу двух криминальных молодых людей? Правда, раньше старший брат Виталий Спельт, тяжелый увалень с проступающими залысинами, не преступал закон. Некоторые нарушения происходили, но заканчивались благополучно. Для него. Сейчас он стал соучастником, избив и ограбив на мосту старушку.

Нате-будьте! Все начинается когда-то впервой.

Налили еще по рюмке. Намазали толстым слоем красной икры хлеб. Огурчики и свежие помидорчики в апреле. Рыбка ставридка под соусом. Копченое мясо...

— На удачу! — произнес дядя, лихо подкрутив ус и подмигнув.

— Ну, рекламная пауза видно, кончилась, — иду досмотрю, чем эта так называемая игра окончится. Нет, нет, сегодня играть совершенно не хотят. А наш Андрей Шевченко дает себя знать! Ах, какой гол! Я в этом понимаю! Знаете, какие я в свое время голы забивал! Был нападающим в юношеской команде «Донецк», ах, если бы не травма, я бы там остался. Меня уже в старшую команду приглашали, — Евгений Евгеньевич любил вспоминать свое прекрасное прошлое, в

футбольной команде, в вокально-инструментальном ансамбле «Веселые гитары», в филармонии Ростова-на-Дону, в рыболовецких рейсах на Камчатке, скрываясь от свирепствующего тогда ОБХСС. Где он только не побывал! Он работал одно время закройщиком и даже ювелиром, закончив среднее техническое училище декоративно-прикладного искусства, не более. Но все вокруг знали о его головокружительной карьере модельера. О его якобы работе во Франции, где он успел покорить даже Карла Лагерфельда и работал с Пьером Карденом, не имея нужных документов. А он подарил ему свой «именной» галстук. Столь высока была его степень талантливости! Даже однажды Мэтр оставил на него весь производственный процесс, когда должен был выехать по делам фирмы. Как он там объяснялся, не вдавался в подробности. Устроили его якобы «голубые», с которыми у него никакого контакта не было. Нет, нет, нет, Боже упаси-и-и! Уже кривлялся, вытягивая окончания слов и махая ручкой в неизвестном направлении. Они принадлежали к свите Кардена и надеялись и его заполучить, в то время еще молодого импозантного красовчика, со слегка прихрамывающей походкой. Но как потом оказалось — это все ложь. Ни с Карденом он не работал, ни с Лагерфельдом, в Париже не был, а только мечтал. У него и паспорта

то никакого заграничного тогда не было.

Тем не менее он достиг к своим пятидесяти годам каких-то высот. Купил (!) диплом экономического университета со специальностью экономиста внешней торговли, с ним он сумел попасть в верхушки общества. Кое-какие деньжата то ли от папы, то ли отчима — Евгения Матвеевича Маскина после его смерти срубил. В Министерство внешней торговли с помощью своей подруги, певицы известной в свое время, но потом страшно располневшей, Олей К. пролез. С ней он пожил годик, не расписываясь. Ее отец возглавлял один из ведущих отделов и она протолкнула туда своего выдающегося и неординарного возлюбленного. Потом за ненадобностью они потеряли друг друга из виду.

Вернее, получив от нее все, что нужно, при случае, хорошо выпив, он ее... избил до полусмерти.

— Ты, такая как все! Ты, ты, шавка жирная, — начал оскорблять бывшую певицу, изголяясь.

— Тоже мне певица! Ха-а! Умора! Толстуха! На тебе же все вещи сидят, как на чучело! — насмеялся он тогда спьяну.

— Ах, ты так сейчас со мной говоришь, ну, смотри мне... — не успела Ольга договорить фразу, как на нее обрушился град ударов кулаком куда

попало. В лицо, поддых, вроде столкнулся со своим врагом, с которым нужно рассчитаться за все беды прошлой жизни.

К счастью, совершенно случайно после работы к ним тогда зашел ее отец, прояснить ситуацию о дальнейших перспективах любимой дочери, не ожидая, что Женечка может так преобразиться. То есть выпасть из своей «маски». Благополучный образ оказался напрочь разбит.

Понятно, что работу в Министерстве через два месяца после начала новой головокружительной карьеры он потерял. Из квартиры был изгнан. В милицию не заявили, дабы не позориться самим. Маскин не пропал. Видно, снова перелицевался. В этом он был отличный дизайнер. Обосновался, как видится прекрасно. В новом кооперативе. Трехкомнатная полностью отделанная квартира, ценности, роскошь. Евгений Евгеньевич Маскин знал толк в жизни! Не каждый так умеет приспособиться. После певицы он познакомился с пианисткой, аккомпаниатором в театре музыкальной комедии Изабеллой Будкиной. С ней он преобразился. Каждый день в театре, назад на крутой машине, которая ей досталась в наследство от только умершего папы, работника мясокомбината. Евгений как мог развлекал страдающую по любимому папе Бэллочку. Но что-то не заладилось. Или она что-то почувствовала

своей тонкой натурой, испытала. Вдруг ни с того ни с сего, бросает престижную работу, продает квартиру и уезжает в Израиль. Страшко, видно, напугал ее Евгений Евгеньевич. Она оказалась наполовину еврейкой. Даже русскую престарелую маму оставила на попечение подруги...

— Сейчас досмотрю последний тайм, посидим, помозгуем, что дальше делать будем, — и он пошел в зал, слегка, еле заметно ковыляя левой ногой, почесав за ухом по черной еще окантовке импозантно выглядевшей седой головы.

Младший, приняв на грудь достаточное количество алкоголя, достал кошелек.

— Ну, чем «графиня» нас порадовала? — и начал считать купюры.

— На первых порах хватит, — ответил сам себе.

Старший Виталий сидел, уронив голову на руки. Ничего не говорил. Ему это все не совсем улыбалось. Он приехал найти новую работу. Дядя обещал. У него связи... Да и молодая жена дома осталась в Мариуполе. А тут такое... Своего брата по матери он сам побаивался. Тот уже трижды в свои 19 лет сидел. И если чего хочет, то все... Хотя только устроился на работу после отсидки и год проработал до отпуска нормально. Даже на доске почета предприятия одно время его фотография была. Хотел исправиться. Но сантехником на

городском коллекторе долго и тяжело работать не хотелось. Кто хочет такой работы. Приехали!..Нате-будьте!

Руслан поделил сумму из кошелька и сунул в руку Виталию на глаз меньшую часть купюр:

— На, будь доволен и не ной, — строго предупредил младший брат. И уставился во второй телевизор «Сони».

Тот вздрогнул. Ведь уже расслабился и не хотелось думать об ужасном, совершенном ими происшествии. «Ничего хорошего из этого не выйдет, — твердил себе. Что мы наделали? Как я поддался на удочку своего братца. Это же черт! Настоящий черт! Надо было пройти мимо. Остановить его, но как... Ах, дело сделано. Мы пропали,» — сокрушался в душе Виталий.

Тому же, младшему, все вроде с гуся вода. Взял острый нож, надрезал края кошелька из тонкой, тисненной кожи и разорвал кошелек на части. Пошел в туалет, выбросил его в унитаз. Несколько раз слил воду. Порядок. Никаких следов.

Вернулся в гостиную-кухню, где они сидели.

Предложил перекинуться в картишки. Брат отказался, сидя так же понуро, уставившись в одну точку. Не хотелось ничего. Ни спать, ни играть. Думалось о доме, где у него осталась жена Анжела. Поженились в прошлом году. И вот поехал на заработки, дома совсем ничего не зарабатываешь.

— А... тюфяк, хренов. — Выругался младший. Он не расслаблялся. — Делать нечего. Пойду похрюкаю, — отправился в спальню, погладив себя по коротко стриженной голове.

— Чё ждать, пока он там свой футбол высмотрит, бя...то же мне деловар! Не верю я в его всемогущество, как он хочет себя представить! Чуть не сплюнул по привычке на блестящее покрытие...

И он, долговязый, без определенной фигуры, пошел шаркающей походкой в зеркальную полированную, современную спальню, положив преспокойненько в курман спортивной куртки под змейку четыре тысячи рублей Алевтины Дмитриевны.

Из зала раздался звонкий с присвистом храп дяди.

— Ну, что я сказал, — из глубины коридора у дверей спальни кинул Руслан. — Айда спать!

Завтра день тяжелый. И он показал знак «Свобода», подняв указательный и средний пальцы вверх.

Никто не знал, что он затевает на завтра.

Утром проснулись рано. У каждого из тройки своя головная боль. Любимая команда проиграла. Виталий почти не спал, беспокоился за вчерашнее. Руслан рвался предпринимать что-то для завтрашнего дня, чтобы можно было сразу состричь

много «капусты». Он всех презирал. Особенно этого тюфяка Витасика, как его звала мама. У него давно была цель: все или ничего. Иначе его не устраивало. Такой уродливый юношеский максимализм, порой перерастающий в кровавость неразборчивости средств достижения цели.

За утренним кофе произошла планерка.

— Так, хочешь жить, умей вертеться, — гласит известная поговорка, провозгласил дядя Женя. Он многозначительно посмотрел поверх огромных очков.

— Я говорил о возможностях новой работы более двух месяцев назад. Сейчас ситуация изменилась. Но есть интересное дельце. Если выгорит, можно хорошо заработать.

— Короче, ближе к телу, — пытался сморозить и подогнать дядю нетерпеливо и беспардонно Руслан.

— «И пойдем тогда до гхороду Парижу», — комично процитировал персонажа мультика дядя.

— Не будем спешить. Сейчас обмозгуем.

Евгений Евгеньевич имел всевозможные связи в широких кругах, в том числе криминальных. И даже выходящие за пределы страны. Наполеоновские планы требовали осуществления и всей командой. Овозможных последствиях взрослый детина также не думал. А чем думать? Внутри всё забито спесью и амбициями.

— Так, слушайте сюда, мелкие! — подшучивая, обратился к племянникам. Есть покупатель на картину одного из европейских художников. Есть необходимость ее изъятия из музея. Уже раз это происходило и с рук сошло... Работа не сложная, учитывая, что картины в этом музее не застрахованы. Во многих других такого ранга тоже. Это дорогостоящее дело для небольших музеев. Легче потом искать, накручивать известность картине. Для них, музейщиков это тоже не плохо. Все при деле... хотя чаще они оседают в частных коллекциях. И кранты, — решил все же поговорить с ними откровенно. Темнить не в его сейчас интересах. Нужно действовать.

— Ну, так?... — вопросительно произнес Руслан. Уже сразу давая понять, что у него нет вопросов. — ...сколько?

— Подожди, сколько... Важно туда добраться. Дело в том, что картина находится в Норвегии. В Осло, столице. Понимаш-ш-ш, — зашипел дядя, обдумывая.

Руслан присвистнул.

— Смотри, высвистишь все. Да, да, оттуда пришла весточка от одного знакомого, что требуется подмога в таком деле, так как хотят этой картиной прикрутить сроки главе одной из известных группировок. 19 лет во цвете лет сидеть никому не хочется. А заработать на этом можно

всем. До лжно. Покупатель... ждет. Вернее можно сказать, покупатель — не ждет. Он может приобрести у других, нечто иное, поэтому нужно спешить. Но как говорил Козьма Прутков, «поспешай медленнее». Нужно все проверить чистенько.

— Как туда добраться? — начал вести по-деловому переговоры Руслан.

Виталий сидел молча, не зная, как прервать эту цепь все дальше идущих преступных желаний. Но он был настолько безынициативен... Под влиянием и пятой брата. Тому ничего не стоит шею вмиг скрутить.

А он и не пробовал. Так, тащился следом...

— Ну, ладненько, коль нет возражений, нужно только добыть паспорт и визу. Это у нас делается запросто. Тем более кое-какие связи официальные у меня остались. Сейчас занимайтесь своими делами, постарайтесь куда-нибудь пока устроиться на работу сами. Любую. Это не сложно. Рабочие места есть. Потом это поможет. И чтоб все было чисто. Все нужно сделать минимально достоверно. Я вас отправлю самолетом. Сам же останусь на хозяйстве. Есть еще несколько незаконченных проектов, требующих моего присутствия здесь. Я эту картину кину дальше... понятно? Коллекционер крутой. Отвалит сразу. Уже договорились. Эта штука уже возросла в цене. С такой картинной

биографией она может занимать уже первые ряды известных аукционов.

Он, как серый кардинал предпочитал крутить дела, сам оставаясь в стороне. Он был связующим звеном в черном потоке «артнеппинга», увеличившего обороты в конце прошлого века. Если ранее и цены были на картины скромнее, а ответственность более ощутима, то это преступное колесо так раскручивается, втягивая в себя все новых дилеров, принося баснословные доходы, выходя на мировые аукционы «Сотбис», «Кристи». При этом создаются новые, более удобные законы, которые можно повернуть, известно, как дышло. Артефакты становятся свидетелями кощунственных манипуляций закона. Их сбывают из рук в руки, с выгодой, не заботясь часто о состоянии раритета. С небольшой легендой достаточно убедить, как картина или другое столь дорогостоящее изделие декоративно-прикладного искусства, попала в руки покупателя и стала его собственностью. Ничего не знаю, ничего не вижу, ничего никому не скажу, — принцип железный. Как у тех трех обезьян: с закрытыми ртом, ушами, глазами. И сволочной. Когда «сволакиваются», так достоверно можно определить суть этого понятия, все факты до кучи, и иди знай-пойми: где правда, где ложь. На этом многие свое дело черное и делают. А это уже другое дело! С этим бороться сложно! Немного

времени и тысячи в твоих руках. Обосновать обратное, если нет явных доказательств совершения преступления, практически невозможно. Часто владелец таким образом теряет свои законные права и даже в суде не докажут, что это его картина.

Авторские же копии тоже вводят следствие в заблуждение. Всегда можно сослаться на то, что именно эта картина есть копия той, украденной.

После такой короткой «планерки», не получив возражений, а только указание на то, чтобы устроиться на работу, «черные предприниматели» разбежались.

Руслан без видимого удовольствия зашаркал длинными ногами к выходу.

— Делайте все нормально, — предупредил дядя.

Племянники ушли в город.

Глава 10

В центральной клинической больнице № 122 имени Соколова Петербурга боролись за жизнь Алевтины Дмитриевны. Не так давно вошла в действие программа американского международного союза здравоохранения по совершенствованию сестринского ухода. Давно пора. Бесконечные отдельные всепомоществования еще не давали такого результата. Нужны особые

меры. Пострадавшая Москвинова поступила по Скорой и никого не было пока из родственников, которые могли бы чем то помочь. Все расходы переняла на себя больница.

Операция прошла успешно. Раздробленный череп необходимо было укрепить пластиной, вживленной под кожу. Правый глаз вызывал особые опасения. Многочасовая операция сделана командой под руководством выдающегося офтальмолога профессора Чижова. Состояние по-прежнему тяжелое.

Просторная палата. Капельница. Сиделка и охрана у двери от неожиданных посетителей. Периодически, не приходя в себя, она вздрагивала и твердила:

— Двое на мосту. Двое, звери, звери...

Благо, что в ее вещах находилось удостоверение.

Там же находилось письмо из Германии с адресом ее семьи.

Необходимо вызвать кого-то из близких. Так будет проще бороться за выживание пожилой женщины — жертвы такого жестокого налета. Она осталась одна со своей бедой.

К 10 часам пришла следователь Рыжова.

Нужно собрать хоть какие то дополнительные сведения о нападавших. На мосту ничего не оказалось, кроме крови жертвы, ее сумки, двух

сигаретных окурков невдалеке от происшествия, которые могут свидетельствовать потом о причастности подозреваемых, если они принадлежат им. Это уже кое-что. Криминалист Юрий Сосновский ведет дознание. Но их нужно еще выявить, чтобы предъявить обвинение и доказательства. Ясно, как божий день. Но тот дождичек сыграл плохую шутку. Собака кинолога след не взяла. Что еще остается в арсенале дознания?

Дождаться, когда Алевтина Дмитриевна придет в сознание, она не стала. Слишком много нужно успеть сделать.

Попрощалась с охраной милиции у дверей в палату.

— Нужно охранять. Все может случиться! — посоветовала. И быстро-быстро застучала каблучками.

По дороге она обдумывала дальнейшие действия.

Непочатое поле деятельности. Нужно обойти близлежащие дома. Возможно видели, что произошло тем вечером на Аничковом мосту.

В этот день подключили следователей райотдела милиции.

Дали фотографию жертвы, описание трагедии.

Анастасия Рыжова сделала объявление для средств массовой информации и принесла в отдел

по связям с прессой. Старший помощник прокуратуры Елена Ортынская передаст сообщение во все газеты, на радио и телевидение.

Нужно найти этих преступников! Нужно прекратить их жестокий разбой!

— Смотри Елена, желательно срочно передать во все СМИ. И чтоб мерзавцы не ушли, — обратилась Рыжова. Она в такие минуты особенно не могла найти покоя. Ее разум противился пониманию того, как человек может человеку доставить столько страданий и ни за что ни про что, и уйти безнаказанно. — Возможно, залетные.

Анастасия и Елена — молодые женщины в погонах. Занимаясь своей диссертацией Настасия Филипповна, иногда думала о том, что может потом она будет преподавать. Оставит прокуратуру. Так тяжело бывает в таких случаях. Такие несчастные жертвы, попадающие по случайности, а потом приходится им всю оставшуюся жизнь залечивать раны. А психологический стресс, когда среди ночи ни с того ни с сего просыпаешься и уже мнится эта звериная поступь следом, эта жестокость, налитые кровью жестокости глаза... по какому праву они распоряжаются чужой жизнью?! Кто дал подобным хоть какие-то полномочия, кроме дьявола, выглядывающего из задуренных, зачумленных, разожженных жаждой наживы мелких душонок, вершить самосуд.

У каждого есть душа. Она имеет объем, вес, другие параметры. Но она различна у преступника и нормальной личности. Как душа у зверя и человека!? У птицы хищной и певчей?!

— Присядь на минутку. Смотри забегалась уже, кофе? — предложила Ортынская.

— Не откажусь. С такой жестокостью избивать по голове пожилую женщину, — не унималась Настасия, — что святого есть? Возможно, за ними тянется не один след. Их необходимо обезвредить. Сейчас Сосновский работает с базой данных, — вопрошает и поясняет Анастасия происшествие.

— Я бы таких сразу, еще с ними возьтятся. Что им в тюрьме дадут хорошего?... — возмущается Анастасия, хотя понимает умом, что это не так. Но где взять столько сил и терпения перевоспитывать такие «кадры»...

— Все это очень сложно, — выразила свое несогласие с позицией «сразу» молодой коллеги Елена, наливая им по чашке растворимого кофе в тонкостенной чашке знаменитого фарфорового завода. Они частенько общались, но в последнее время совсем катастрофа, говорит, столько не раскрытых еще дел. Хотя раскрываемость нормальная.

— Ну, ну, мы не будем глубоко копать. Но все начинается в семье. Уверена. У этих молодчиков

наверняка что то не то.

— Но и у многих тоже не то. Не все же идут потом на разбой, насилия.

— Деньги делают свое дело. Или их отсутствие.

— Но деньги нужно зарабатывать и жить по средствам.

Нескончаемая борьба.

— Ну, я побежала, подруга. Словами делу не поможешь.

— Может сходим когда-нибудь в театр, уже сколько собираемся вместе?

— Пару лет точно.

— Вот раскроем это дело, обязательно в БДТ пойдем.

— Договорились, смотри не забудь.

— Да уж, ничего не забываю, ты же знаешь, — и Настасья Филипповна выпорхнула за дверь.

Глава 11

Осло. Норвегия

Лето. Дымка живописным флером обволакивает уникальную инсталляцию природы. Фьорды манят туристов. Летом особенно прекрасно в норвежском королевстве. Не договорившись с

Эриком «бельгийцем», два представителя норвежско-шведской группировки, возглавляемой Давидом Тоской, осужденном на 19 лет, стараясь скостить шефу срок, вернулись из Костадель-Соль, на юге Испании ни с чем. Бьерн Хорн остался за старшего. Он должен предпринять конкретные шаги. Обязан найти решение. Время не терпит: скоро пересмотр дела, отправленного на кассацию. Как раз к этому сроку нужно дело и повернуть. Иначе ничего не получится. Они составили план шантажа, по которому нужно этой уже раз краденной картиной «Крик», поставить условия о вынесении вердикта о снижении срока наказания.

Почему «Крик» выпал на кон этого преступного акта?

Чем все же картина этого художника так привлекает преступников?

Для этого пройдемся по его биографическому сколу, как по тонкому фьорду. Посмотрим на него с высоты птичьего полета: то узкому, то витиеватому, полыхающему импульсами всего спектра северного сияния — по аспектам личности выдающегося экспрессиониста XX века Эдварда Мунка. Без этого прыжка в прошлое как понять личность художника?! Глашатай искусства экспрессионизма Мунк осмысливает творчеством свой опыт, жизненные перепетии, любовные

истории и разрушающие душу страдания. Его символы вошли в историю не только изобразительного искусства, но и психологии, медицины. Какая-то есть в ней загадка!

Декабрь 1863 года. В Лэтене, провинции Хедмарк, родился Эдвард Мунк

Маленький городок дает надежный старт в будущее. В маленьком городке рост личности заметнее. Если при огнях большого города нужно преодолевать тягу к его мишурному, порой, блеску и нежелательным ситуациям, усугубляющим проблемы роста, в маленьком городке преодолеваешь свои личные трудности, комплексы, готовишься к будущей жизни, стараешься соответствовать ей по большому счету в большом столичном городе. Однако малыша сразу вывезли в столицу.

Отец — Эдвард Кристиан Мунк служит военным врачом в королевской гвардии. Он был глубоко верующим человеком. Пытался в вере и почитании воспитывать детей. Через год семья переезжает в бывшую тогда столицу Кристиания. Уже однажды переименованный город по названию главного фьорда — Осло, что в переводе означает поле Бога, снова стал именоваться по имени правителя. Отец передал сыну свое видение и

любовь к природе, к столице страны и его первозданному имени. Эта звучность, О-образность, ассоциации не с королевским именем, а с их природными богатствами — фьордами, столь милыми его взгляду, будоражили мысли о новом переименовании столицы в будущем. Отец держит детей в строгости, пуританстве. Это оставило след и служило почвой для противоречивости характера.

Мальчику пять лет. Мать тяжело заболела туберкулезом и умерла. Их, четверых братьев и сестер будущего художника воспитывает тетя Карен.

В 15 лет умирает сестра Софи. Сердце рвется на части. Сильные эмоции переполняют. Эдвард рано мужает. Нужно думать о семье. В 16 лет в 1879 году он отправляется по желанию отца учиться в Высшую техническую школу в Осло. Учиться на инженера. Но художественная натура не дает покоя. Уже делает первые зарисовки. Карандаш летает в руке. Экспансивная, экспрессивная натура не дает углубиться в формулы и числовые алгоритмы. Его манит живопись, окружающая натура, философия жизни и рано познанной смерти.

Эдвард принимает решение уйти из технического колледжа и заняться живописью. Он хочет стать художником! Он будет художником! О нем будут помнить и восторгаться его картинами,

содрогаться перед мотивами некоторых. Их уже не смогут забыть никогда. И в 1881 году восторженный Эдвард Мунк поступает в Государственную академию искусств и ремесел в мастерскую Юлиуса Миддльтуна. Со следующего года изучает живопись в королевской школе рисования «Alter Meister» у Кристиана Крога, который познакомил с натуралистами Норвегии, подвел к французским реалистам и российским классицистам.

Рисунки начинающего художника наполнены деталями. Вырисованное окружающее пространство реалистично и досконально правдиво. Художник ищет свои пути-дороги. Прокладывает отраженные на холстах рельефные, пастозные следы. Вскоре их уже не спутать ни с чьими. Его руке подвластны такие уникальные выбрыки-находки! Его фантазии и тайные страсти передаются холстам и бумаге.

Первая мастерская художника в Осло. Опыты и неудачи. Не все дается так, как ему хочется.

На мольберте — лист картона. Его сущности он передает свою. Сколько вариантов он делает невозможно себе представить! Молодой художник отличается завидным упорством и желанием добиться того, что он видит внутренним взором. Чувство гармонии, пространственное мышление ведет за собой.

Линия стремительно летит от одного угла картона к другому. Заворачивает и отражает сомнения и затаенные желания. Силуэт фигуры и пейзаж за окном. Первый автопортрет и наброски портретов сестер, брата, тети Карен. Познания живописного ряда. Способа смешивания и наложения красок. Он страстно изучает все от и до.

Первые произведения художника обращаются своей сутью к формам пластики и композиции, как в иконе.

В центре полотна — словно библейский лик, слегка склоненная в смирении голова. Не важно прописано лицо или нет. Человеческое начало и концентрация эмоций. Он пытается доказать, что непрописанность форм помогает в передаче чистых эмоций. Основную нагрузку несет главное действующее лицо, раздираемое страстями, сомнениями, желаниями. Вокруг него могут быть сосредоточены второстепенные фигуры, несущие идеи художника. Экспрессия в фокусе. На протяжении жизни пытается Эдвард Мунк выразить ее наиболее выразительными средствами. Найти формулу познания и передачи его живописью. А затем описать эти знания в дневнике.

Дневник становится полправной составной его жизни. Пишется сценарий фильма о себе самом.

Глава 12

Санкт-Петербург. Дядя Женя

Северная столица не открылась новым завоевателям, приехавшим из Украины, из прелестного города на Азове Мариуполя, с налету. Не приняла с распростертыми объятиями. Где бы то ни было этого нужно добиваться.

Руслан и Виталий зашли в несколько контор.

«Придите завтра, приходите завтра, приходите завтра», — звучало в ответ по разным причинам. Действовало на нервы. Хотелось сразу. Что-то сразу не складывалось. Они думали, что дядька им готовенькую работку предоставит. Не пыльную...

— Что нам тут делать? — выругался и сплюнул Руслан. Видишь, пока найдешь что-то... смотри, как его хата нафарширована. Небось не просто так. Как он умудрился за несколько лет, не имея клевой работы... Лучше бы эту хату, того... — И Руслан начал разрабатывать план нового грабежа. Пока не озвучивая его.

Евгений Евгениевич жил интуицией. С одной стороны милейший, честнейший человек. Ничего не возьмет чужого. А где что плохо лежало в магазине он мог взять. И это был уже не он.

«Нет, нет, нет, это не я, — слышал свою вербальную речь и полемизировал сам с собой. С

кем не бывает, успокаивал.» Он в это свято верил. Такой себе Ручечников из «Места встречи» ...Голубой воришка с черной «каемкой». Он любил такие места. Чем больших размеров супермаркет, тем лучше. Но так чтобы не попасться. Он мог поменять обувь в примерочной и в новой паре выйти с совершенно невозмутимым видом. Старые туфли же оставались в коробке. Аккуратно закрытой и оставленной под сидением. Также он менял перчатки и очки в супермаркетах с самообслуживанием. Он же сам себя обслуживал. А ему это нужно. Нравилось! Иногда просто для разгонки адреналина. На столь импозантного и дорого одетого, красиво седеющего, с обрамлением вороного крыла волосами и синими глазами мужчину не обращали внимание. Зато он следил за сложными комбинациям зеркал. Обращал внимание на камеры слежения. Все не так просто. И для мелкого мошенничества и воровства нужны большие силы. Сейчас у него был особый жизненный период, когда нужно мобилизоваться на новые дела. Вся эта мелочь его не удовлетворяла. А давно ничего не проворачивалось по-крупному. Вот бы эту картину раскрутить. Своему покровителю, черному артдилеру, доценту Петру Варламовичу Дермостученко сдать. Хороший кусок можно отхватить. Тот уже проверенный. Платит нормально. Вот уж судьба распорядилась. Чуть не

родственник образовался такой, благодаря женьтебе старшего племянника. Вот уж и они приехали. Будет ли от них прок?! Он только сказал сестре, что они могли бы приехать, как уже тут как тут. А он что может поделать! Не все в их руках. Многие в руках божьих и он попытался в уме прочитать молитву сегодняшнего дня, — он приобщился в последнее время к церкви. Ежедневные молитвы во спасение души. Крест на шее на толстой золотой цепи для уверенности.

Что-то ему становилось периодически не по себе. Какой-то грязный след тянется по жизни. Но уже назад дороги нет.

Он не сожалел, что так распорядился своей судьбой. Могло быть и хуже.

Но о плохом не думалось. Рассчитывал на удачу. Еще один джентльмен удачи! Пока такой подход не подводил. До сих пор.

Он открыл своим ключом, не с тарелочки с голубой каемочкой, дверь новой квартиры рядом с Невским проспектом, посмотрел в огромное венецианское зеркало в старинной раме, пригладил аккуратно подстриженный ежик волос. Удовлетворительно хмыкнул. Дернул головой. Прошел в зал. Огромный. С картинами на стенах, но не столь дорогостоящими. Эта коллекция его вдохновляла на новые подвиги. Настрой был на приумножение капитала, любым более не менее

законным или незаметно незаконным путем. Только не в тюрьму. Нет, нет, нет! Он — свободный мотылек. Эта перспектива его отталкивала от многих дел, требующих личного вмешательства. Это не для него! Увольте-с!

Руслан, который трижды, он знал об этом, был осужден и, кстати, находился дома под следствием, ему казалось может пригодиться для этого дела с картиной. Его можно еще и отмазать от нового наказания с деньгами. Но все нужно организовать... тот просто очень резкий и не думающий. При нормальной организации он может многое сделать. На него — большие надежды. Нужно только поговорить, приструнить гордыню, горячий нрав, главное, не лезть на рожон: можно тогда столько всего взять! Всем хватит! И этот «серый кардинал», этот импозантный мужчина строил самые черные планы относительно сыновей сестры от разных браков, приехавших с периферии, которых можно использовать для своего обогащения.

Конечно, они здесь жить не будут. Им нужно попасть в какое-то общежитие для лимитчиков. Может пусть устроятся на стройку для начала. Вон сколько новых домов строится. Потом сделать документы, хотя бы Виталию, легально. А Руслану он постарается добыть так, через свои каналы... и все на мази. Там проще простого ворваться в музей,

при его дерзости и отваге, ничего не стоит срезать картину или просто вырезать из рамы и угнать на подготовленной заранее машине. Именно здесь зародился очередной «кричащий» замысел. Пусть этот «Крик» побывает еще и в России. Здесь понимают толк в таких уникалах! И у его Величества Воображения разгорались желания и текли слюнки. Воображение не могло совладать со здравым смыслом. Спросить элементарно: а если нет? Не получится? Что тогда?

Евгений набрал номер своей любимой модели Тамилы.

Их познакомили на одном из кастингов в клубе «Мезольянец», куда он стал вхож после одного одолжения, которое оказал организаторам. У него определенно была легкая рука. Он делал карандашные наброски в зале, где шел показ коллекции нового сезона и потом опубликовал свои рисунки, после чего стал более популярен. Еще больше он хотел это так представить. После того показа, на одной из тусовок он пронюхал, что у Тамилы далекоидущие планы и она собирается за бугор, есть для этого основания. «Это уже что-то!» подумал и попросил номер телефончика, который она с легкостью дала.

И вот теперь у него замирает сердце. Он так хочет встретиться еще раз с нею. Он как пес, берет след и идет по нему, резво махая хвостом. Он

чувствует, что стоит ему только захотеть и эта молодая дамочка в его «дамках». С нею он сможет продвинуться дальше.

— Алё-ё-ё! Тами, это ты? — с придыханием в голосе запел Евгений. — А это — я-я-я! — Он любил тянуть гласные в хорошем расположении духа. Раньше пел в хоре «Юнги Донбасса» и его высокий фальцет ему помогал создавать образ возвышенный и необыкновенный. Потом он, утверждал, что пел и играл на гитаре на танцах, сумев заработать себе на машину в то еще время. Сейчас не проверишь. Но тема эта любимая. Он ввинчивал данные об этом в любой разговор, и со временем его творческая биография обрастала подробностями: то он уже играл потом в филармоническом джаз-банде, то плавал с оркестром в загранку, то аккомпанировал своей первой здесь пассии, певице Сениной, а то и в знаменитой группе — в «Веселых ребятах».

— Мы можем встретиться. Есть для тебя новости, — сообщил ЕЕ Тамиле, явно интригуя, вызывая на встречу.

Глава 13

Свидание дяди

Договорились на следующий день. Он ее упускать не должен! Ни в коем случае. Мало как сложится, он может попробовать вырваться из этого каменного мешка. Ему нужны большие просторы. Он — человек независимый. Что все время оглядываться, как бы чего не случилось. Здесь ситуация непредсказуемая. И его воображение стало рисовать такие цветастые картинки: экзотические пейзажи, дальние невиданные до селе страны. Он, как Нарцисс повертелся перед высоким зеркалом. Поправил фирменный галстук. Он любил правильно, как он выражался одеваться. Мало кто сообразит как нужно, профаны. То то оденут не то, то другое. Никакого чувства гармонии. Таких профанов в понятии Гармонии он презирал от всего своего утонченного сердца.

— Смотри, вот умора, как он все это вместе соединил, — осуждающе замечал нестыковочки в одежде модельеров-звезд. Он мог часами высмеивать тех, кто не мог подобрать правильно галстук. Не имел понятия как должен сидеть пиджак, не знал какой костюм когда одеть и вообще носить костюмы, как Ооон умел это делать! Это —

целая наука. Когда он об этом рассуждал, казалось, ничего важнее в мире нет. Какая там политика или мировые катаклизмы. Вот это проблемы! Отсюда идет и политика!

Ему не нравились ни безвкусный Зайцев с Юдашкиным, ни Лагерфельд и Валентино, а сам... вот чуть-чуть только еще подтолкнуться, тогда и он сможет сделать что-то такое выдающееся, и о нем заговорят в мире. Он был спец и понимал толк. Он мог и ювелирку такую делать, и модели такие создавать, что им и не снилось!.. Вот они бы попробовали у нас, в нашей стране так... Хотя и им в их странах тоже также не легко все досталось до такой известности. Это его не волновало. Эти темы были коронные и его некоронованная голова с гордостью носила эти идеи и вроде венцом украшенное чело.

Косые солнечные лучи с любопытством заглядывали в просторную комнату и с восторгом играли на стеклах и золоченых рамах. Перекликались в своем беспечном общении. День выдался на редкость солнечный и казалось не будет конца этой удивительной перемене погоды.

Евгений включил телевизор, предвкушая осуществление его давних и столь уже возможных планов. Немного переключиться, отвлечься, завтра такая важная встреча с Тамилрой. Он был в приподнятом настроении предвкушая, что он

может завоевать ее. А дальше с нею такие границы открыть...

Вскоре пришли ребята. Довольно раздраженные и обескураженные.

— Чем порадуете, птенцы? — похлопал по плечу старшего.

— Да, ничем, — не очень любезно отрезал Руслан.

Пока ничего подходящего им найти не удалось.

— Что же, сегодня не получилось, получится завтра. Работа есть. Есть все остальное, что нужно для счастья, — успокоил дядя.

Сели ужинать. Разговор не клеился. От желания до его осуществления — дистанция огромного размера. После быстрого ужина с креветками в белом соусе, зеленью и свежими помидорчиками, пивко с таранькой, как полагается, собирались разбежаться. Молодые еще хотели выйти в кафе посидеть. Да и у Евгения Евгеньевича важная встреча еще намечена. С другой женщиной. Его восторг жизни никак не укратишь. Он еще может нравиться и быть любимым. Это немаловажно. Женщины в его жизни занимали одну из ведущих ролей. Если бы не Татьяна Сенина, где бы он был. В своем Мариуполе. У лагуны пересоленного, мелеющего Азова. Но это — не Средиземноморье. И не северная столица. Он хочет,

он достоин лучшей жизни. Пальмира приняла его прекрасно. Его энергия и напор города берут! Дальше больше...

Он слегка засоловел. Привиделись дальние страны, в которых он уже будет не на коротке наездом, а основательно, в отелях с пятью звездами жить. С прекрасными красотками, в пятьдесят с хвостиком можно еще все успеть. Ему подавай по-моложе. И они шли с ним...

Он позвонил одной из них, выбрав по книжке в тисненном переплете, застегивающемся на кнопочку, одну из счастливиц сегодняшнего вечера:

— Аллллёёё! Протяжно промурчал апрельским котом в трубку.

— Это Милочка? А это я, твой Мурчик., — чуть не замырлыкал Евгений.

Как сегодня? Пройдемся или в кафешке посидим? У меня есть вечерок свободный. Потом отправляюсь в деловой круиз. Нужно подписать важные бумаги для отправки новой модели торгового обрудования, — он сочинял на ходу. Так интереснее. Важность его персоны притягивала молодых мотыльков.

Получив согласие от Милочки, он тот час принял душ в огромной ванной комнате с окном и пальмой в углу, надушился, открыл шкаф-комнату, помозговал минут пять перед выбором костюмов, переделся в новехонький от Гуччи и отправился,

как молодой влюбленный на свидание.

Ему еще нравились девушки. Он был не столь избалован тенденциями гомосексуализма. В модельном бизнесе этого добра — повально и оно отталкивало его утонченную натуру. Ему хватало для самоуспокоения и удовлетворения желаний несколько кругленьких попок, пышнотелых и грудастых моделей всевозможных профессиональных направленностей. Все равно серьезных намерений у него не было. Ему было не важно с кем. Лишь бы чисто и без осложнений. Жизнь — как масло на хлеб должна намазываться. Если масло холодное и крохкое, оно падает, туда ему дорога. Значит плохое масло. Нужно новое.

С таким подходом к женскому вопросу, он поменял не один десяток прекрасных дам. «Много я этого народу перетоптал!» — любил выражаться на досуге, обозначая свое место в разряде избранных «падишахов», разве что без обязанностей перед своим так называемым гаремом, который они, падишахи, должны были бы содержать. Оставив позади все попытки семейной жизни, от нескольких браков, имея детей в разных уже странах, нарциссируя и вальяжничая, строя всевозможны планы, катился по жизни этот герой своего времени.

С Милочкой он встретился, как обычно у Летнего сада. Они любят вместе побродить перед

тем, как вернуться в уютный уголок и предаться ласкам любви. На вечерок. Высокая блонда с тонкой талией и высоким вызывающе-обтянутым бюстом, вырывающимся наружу из прозрачных вставок трикотажа, оплетенных кожаной тесьмой. Короткая юбка и белые полусапожки на шпильке.

— Какая ты у меня сегодня красивая! — взял с почтением руку и поцеловал, а потом притянул к себе Милочку Евгений Евгеньевич — Ну, совершим наш «летний» променад и пойдем куда-то покушаем. Смотри, как почки набухли на деревьях. Весна ведь. Ты замечаешь? Знаешь, как в анекдоте:

— Встретились трое и показывают фотографии своих возлюбленных. У меня, говорит первый, любимая, как прекрасный цветок магнолии.

— А у меня — прекрасная, как «Весна», — говорит второй.

— А у меня, как Мать Божья.

— А это как? — спрашивают двое.

Третий показывает фотографию.

— Мать Божья! — взмолились те, опешив от ее безобразного вида, — хотя считается, что нет некрасивых, есть те, кто не умеет себя подать.

— Но не всем же все иметь, — смеялась Милочка, обнажая свои крепкие, клыкастые зубки. На одном резце красовался вставленный

камешек-цирконий. — Просто критерии несовершенны.

Им было хорошо вместе в это время и хорошо!

Гуляя по парку у Евгения Евгениевича не закрывался рот о различных породах деревьев. Он знал очень многое в разных областях. С ним скучать девицам не приходилось. Мог наперечет вдруг начинать рассказывать об аквариумных рыбках, козыряя названиями. Другой раз посвящал теме о звездах, черных и белых дырах и прочих природных катаклизмах.

На сей раз познания и изливания о них попали на тему о создании Летнего сада. Этот прекрасный уголок облагороженной природы создавался в соответствии с указаниями и вкусами Петра I, который желал иметь резиденцию «лучше, чем у французского короля в Версале», — поведал Милочке знаток Евгений Евгеньевич Маскин. Когда-то в юности он играл в «Брейн ринге», — на многие вещи обращал внимание, запоминал, загордился потом...

— Так вот, — продолжал он просвещение, — европейская мода того времени требовала, чтобы сады украшались декоративными скульптурами. Статуи устанавливались вдоль аллей и на площадках, они украшали фонтаны, галереи, садовые павильоны. Приобретением скульптур в

Италии занимались доверенные лица Петра I, знатоки искусства Савва Рагузинский и Юрий Кологривов. Ты слушаешь меня? — встрепенулся, только увидев, что она на секунду отвернулась и посмотрела в противоположную сторону.

— Да, да, очень интересно, — успокоила его Милочка.

— Да, так вот... Собрание Летнего сада, — продолжил ЕЕ, — первая коллекция светской скульптуры в России. Да и что важно еще сказать, с ее помощью Петр I намеревался знакомить своих подданных с античным искусством, мифологией, прививать им художественный вкус, — Милочка слушала уже, затаив дыхание. Они присели на скамейку.

— Откуда у тебя такие познания? — удивилась молодая женщина.

— Учился. Мне многое интересно. Все в жизни прекрасно и заслуживает внимания. Главное, что скульптурное украшение садов того времени, — продолжает с запалом, — отражало, в той или иной мере, представления об устройстве мироздания: четыре времени года, время суток, божества и стихии, о добродетелях и пороках, о символах процветания и славы государства. Все это было характерно и для Летнего сада, видишь.

— Конечно, вижу. — она готова уже идти за ним куда угодно. Хотя другим, не столь

романтично настроенным, так просто ее зубы не заговоришь.

Но в этом Евгении в квадрате был спец. Во многих делах он был спец. И во многом в квадрате тоже. Его всевозможные истории сочетались с географией. Много внимания уделял описаниям вожаделенных драгоценных камней, их свойствам, мебельным и архитектурным направлениям. Цитатам из одной книги, видимо настольной: конечно же, «Двенадцать стульев. Золотой теленок». Всякой всячиной завлекал своих избранниц, которую можно самой просто получить из соответствующих источников. При желании. А где он только не побывал... И в Париже долгое время работал, и по всей Европе давно попутешествовал и даже в Скандинавских странах побывал. А с Норвегией его связывают особые связи. Он с творчеством Эдварда Мунка был знаком, побывал по его следам в Германии и Франции... «Сумасшедший художник!» «Его картины раз увидишь, не забудешь никогда! В них — особый секрет!» почему ему понадобилось создавать цикл «Крика»? В каждой картине заключена своя идея. Все вместе они выражают особый код, особое, только избранным доступное название! Он видит их внутренним взором и чувствует всем естеством.

Вот уже благородная седина начинала

обрамлять черные волосы Евгения Маскина. Глубокая синева глаз успокаивала и настраивала на романтический лад. Его женщины любили. Почти Джорд Клуни того времени, ну, кто устоит... Видели в нем то, что хотели видеть. Слушали с открытыми ртами... Вот уж это свойство женской натуры: домысливать, дорисовывать недостающие черты, представлять то, что хочется видеть, а потом прыгать мадам Грицацуевой: отдай мое ситечко и стул...

Потом они сидели с Милочкой в ресторане «Тритон».

Изысканная еда и коньяк.

Оттуда поехали прямо к ней.

Она не возражала. Ведь у себя дома он был уже не один, объяснил.

Все шло само собой. Приятная музыка и свечи. Романтический вечер вдвоем. Что еще нужно для полного счастья?!

Милочка веселилась и отвечала на ласки.

Коротенькая юбочка слетела в угол.

Однокомнатная, скромная квартирка уже не удивлялась ее посетителям. Она привыкла ко всякому. Широкая кровать на фоне занавешенного бордовыми портьерами широкого окна приняла их в свои объятия.

Но все оказалось не так просто. Охмелев и

осмелев, в таком возрасте все не так уж просто начинать.

Пыхтя и мучаясь, раздражаясь и чуть не скрипя зубами, Евгений Евгеньевич ничего не мог с собой или с частью, такой важной в этот момент тела, поделать.

Милочка жаждала страсти или хотя бы какой-то компенсации за принесенный ущерб.

Милейший денди в этот момент вдруг стал терять прежний лоск. Из его оболочки начал вырываться второй, звериный, неудачник-кавалер.

Он не мог себе позволить такое, простить. Как, снова он ничего не может поделать! В такие моменты на него нападало бешенство. Особенно если выпьет...

Дикая злость вдруг разъярила его и он, мгновенно преобразившись, со всего маху измученного тела накинулся на бедную Милочку с кулаками.

Какой там уже Петр 1, интересные рассказы, поучительные и юмористические истории. Удар! Еще! Еще! И это уже всерьез. Он потерял полностью контроль над собой. Стал душить нежную шейку молодой девушки. Ему виделась «Серая шейка», детская сказка и жалось к самому себе о своей несостоятельности накатила цунами. Такие приступы с ним случались. Но она конечно, об этом не могла и подумать.

Ее раскрытые от ужаса глаза. Задохнулась от боли, но кричать не могла.

Попыталась выдавить из себя звук:

— А-а... — Он зажал ей больно рот рукою. Из разбитой губы текла кровь.

Женщина потеряла сознание.

Бедная Спальня, приготовившись к вкушению приятных эмоций, еще такого не видела и была крайне шокирована.

Спальня помочь ей не могла, как бы ни хотела.

Тогда Евгений Евгеньевич, выпустив пар, быстро оделся.

Не оглядываясь вышел из дома.

Жива она или нет его уже это не интересовало.

Свой позор он не может просто терпеть. А злось направлять на кого же?...

Не на себя же, любимого?! Отнюдь!..

Он пошел медленно через мост к дому. Эта новая вспышка его не радовала. Но он и не отдавал отчет своим действиям. Было и было. Пошалил. А!.-мысленно махнул рукой. Утро вечера мудренее.

До этой Милочки он также расправился с Мусенькой, с которой немного погулял. Она оказалась совсем никчемная, просто шавка, а выдавала себя за такую успешную бизнес-даму. Только время потратил! Однажды провел с ней в ее

компании вечером. Люди высокого полета, музыканты и преподаватели университета собрались. Вдруг краем уха прослышал, что оказалось она задолжала крупную сумму денег. Он это намотал на ус. С такой никакого резону якшаться!

Они изрядно выпили, веселились и танцевали.

— Женечка такой милый, если бы не был занят, я бы сама им занялась, — объявила другая одинокая, ученая дама в фирменных дорогих очках, в последнее время часто прикладывающаяся к бутылке.

Их очень хорошо приняли тогда и рады были такой подходящей друг другу паре. Столько тостов за их союз и приятную компанию прозвучало!

Последний танец и они распрощались. Утром у него ответственная работа, бросил уже на ходу. Что-то ему стало невмоготу в этой благополучной, доброжелательной, интеллигентной компании.

Вышли из ворот в темноту, прошлись до моста. Уже время за полночь. Его по-тихоньку начинало колотить и вести из стороны в сторону. Становилось не по себе. Оглянулся, — никого и, вдруг, уже выйдя на мост, так сильно притянул ее за длинные густые, водопадом спадающие каштановые волосы вниз и ударил кулаком под дых. Следующий удар она получила в челюсть. Будто по груше боксерской стал молотить по лицу.

Ничто внутри не подсказало: это же женщина перед тобой! Это же так недостойно, низко. Но то уже был другой человек, не способный на размышления, сострадания к боли. Наоборот, чужая боль доставляла ему, видимо, истинное наслаждение, самоутверждение...

— А-а-а-а-а! — раздался в округе тогда крик Муси от неожиданности и боли.

Лицо приобретало очертания и цвет испорченной груши.

Ей удалось увернуться, он сам упал и растянулся на асфальте, ведь нетрезвый был. Молодая женщина, трясясь, зажимая истекающий кровью рот руками и сдерживая рыдания, вернулась в дом, где очень удивились такому происшествию.

Ни фамилии, ни адреса его никто не знал. Заявлять в милицию почему то никто не стал. Было да было. Больше с таким нечего иметь дело, решили друзья и приложили лед к искромсанному лицу.

Дома ЕЕ сразу повалился на кровать и заснул мертвецким сном. Даже под себя сделал, как обычно, на фирменную кровать итальянского гарнитура. Так у него обычно заканчиваются проявления его безудержного, не самоконтролируемого характера.

Он долго ворочался. Потом стал вскрикивать во сне. Потом различимо звучало:

«Интер- пол, интер-пол...» — с чего бы это.

Не интердевочка, или мальчик, а Интерпол. Наверное, не случайно.

И снится Евгению Евгениевичу сон.

Ему кажется, что он разделился и один его Евгений, уже став не Евгением, а Джованни Районелли, итальянцем, как его считала в семье бабушка по отцу-отчиму, Евгению Матвеевичу, носившая, действительно, эту фамилию, отправляется в кругосветное путешествие. Нужно добраться до родной Италии, а там в прекрасном замке, украшенном картинами старинных мастеров, живет его родная бабушка по матери — Антонелла. Стоит только к ней добраться и он — сказочно богатый. Не так давно он сам узнал, что это все правда и его ждет баснословное наследство. У этой семьи в частной собственности винзаводы и свои плантации виноградников, даже театр в Милане Ла Скала. А его мать, Паола, не выйди замуж за отца, бедного художника, сироту, да еще еврея Семена, могла бы стать там примадонной. У нее был прекрасный голос, колоратурное сопрано. Но любовь к художнику и скоропалительный брак без благословения богатой семьи лишили наследства. Теперь его задача это наследство получить за мать. Если не так просто, то нужно организовать что-то. Джованни знает толк в жизни. Его не остановит ничто. Он будет еще сказочно, сказочно богатым!

Вот он добирается до Италии, находит

фамильный замок с башнями, ажурными и витражами на берегу бирюзового и ласкового Средиземного моря. Подойдя к замку, Джованни-Евгений Евгеньевич проснулся. А жаль!

Как бы еще хотелось побывать в родовом поместье. Болела голова. Но он нисколько не сомневался, что это не сон, а явь. Он ведь и есть тот самый Джованни, любимый внук баснословно богатой бабушки в Милане, которую он никогда не видел.

На следующую ночь ему привиделось, что другого Евгения, того агрессивного и дикого, который выскочил из себя и побежал вдоль широкого проспекта по проезжей части, переехал автомобиль. Только голова и повернулась, как яблоко на короткой цветоножке, вокруг своей оси. Он успокоился и подумал, что навсегда от своего недуга излечился. И господин Крик, сопровождавший его деяния, также раздавлен.

Теперь он своей цели — Италии достигнет. И это вам не Серая шейка или Маркиз Карабас. Он — сказочно богат и независим.

Глава 14

Лаборатория криминалистики прокуратуры Санкт-Петербурга

Тем временем в лаборатории криминалистики прокуратуры велось дознание. На глянцевого черной сумке потерпевшей Алефтины Дмитриевны Москвиновой оказалось множество различных «пальчиков». В этих «мгновениях весны» остались пальчики, только не «пианистки». Сколько еще таких криминальных мгновений великого города запишут в его историю преступники. Может действительно, лучше с рождением младенца составлять картотеку дактилоскопии? Может чью-то руку этот факт и остановил бы. Скорее всего по ним можно будет вычислить преступника. Сейчас только если есть в картотеке.

Криминалист Юрий Сосновский досконально изучал все данные, в том числе данные Интерпола.

Пока ничего похожего нет. Да, но по-всему видно, что действовали непрофессионалы. Столько улик оставлено! Такие спонтанные, дерзкие действия на известном Аничковом мосту.

Только жаль, спустя несколько дней пока никаких конкретных подозреваемых.

— Как ты думаешь, Юрий Алексеевич, когда мы найдем этих преступников? И вообще найдем

ли? Твой прогноз?

— Думаю, что обязательно найдем. Они на этом не успокоятся. В ближайшие несколько месяцев. Определенно еще может пострадать кто-то.

— Что нужно предпринять еще? Ведется опрос жильцов близлежащих домов. Кто-то все же видел. Один пенсионер астроном-любитель, имеющий домашний телескоп, случайно направил в этот момент на мост свой объектив и дал нам указания относительно внешности преступников. От этого можно уже отталкиваться для новых марш-бросков дознания.

— Это уже что-то, может поедем еще на место вместе, Анастасия? Возможно появятся новые идеи? — поинтересовался Юрий. — Заодно расскажешь, как продвигается твоя диссертация. Наслышан, наслышан.

Если честно, то он в глубине души был неравнодушен к молодой, активной, начитанной и порой озорной коллеге из следственного комитета. Но ухаживанием за коллегами не занимался. Когда выпадала случайность, с удовольствием общался. Он был еще одинок, несмотря на то, что за сороковник перевалило.

— Не так много времени есть на это, но практика подбрасывает множество фактов для исследований и обобщений.